

16+

НА ТОЙ СТОРОНЕ

Марина Закс

Марина Закс

На той стороне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66979323

SelfPub; 2022

Аннотация

Продолжение семейной саги "Марш энтузиастов". 50-е годы в СССР, Дальний Восток, где-то совсем рядом идет Корейская война. Сумеют ли дети героев первой книги Виктор и Нинель, начав семейную жизнь в курятнике, построить ее в непростых условиях далекого поселка, а не в благополучной столице, смогут ли бывшие одноклассники сохранить не только дружбу, но и любовь? Как складывается жизнь их родителей, навсегда распрощавшихся друг с другом...

Глобальные события достоверны, персонажи вымышленные, возможные совпадения случайны.

Содержание

Неля. Ленинград	4
Неля. Казань	8
Виктор. Стажировка	24
Татьяна. Москва	32
Серафима. Москва	35
Виктор. Москва	40
Неля. Москва	47
Виктор. Советская Гавань	59
Неля. Совгавань	72
Макс. Сан-Франциско	126
Неля. Рига	131
Татьяна. Москва	134
Виктор и Неля. Совгавань	138
Маринка. Москва	156
Виктор. Новая сторона	159
Неля. Фестиваль	161

Марина Закс

На той стороне

Неля. Ленинград

Это были головокружительные дни, пронизанные радостью, ощущением безграничных возможностей и надеждой на яркое радостное будущее. Война закончилась, папа и брат вернулись домой живыми. Рэм учился в ветеринарной академии, папа демобилизовался и был назначен директором совхоза в ближнем Подмосковье. Учеба с бессонными ночами и зубрежкой, высокомерными однокурсницами и вредными преподавателями осталась позади. «Красный» диплом получить не удалось, но оценки в нем были отличные, четверок мало. Мама, конечно, слегка огорчилась – хотела доказать папе в очередной раз как они без него хорошо справляются, но сама Неля была довольна и оценками в нем и распределением. Было немного жаль расставаться с друзьями по спорту, но сам спорт ведь никуда не девался...

Лето выдалось на удивление теплым, дом отдыха располагался в чудесной роще на балтийском берегу, молодежь проводила на пляже почти весь день. Играли в волейбол, купались, загорали, флиртовали от души. Вечерами после ужина иногда устраивали костер и пели под гитару любимые пес-

ни из кинофильмов. Москвичка пользовалась успехом, и на танцах по средам и субботам отбою от кавалеров не было. Но в воскресенье, сразу после завтрака Неля торопливо шла на автобусную остановку, чтобы успеть к назначенному времени в Ленинград, где ее должен был встречать Виктор. Она слегка подзагорела за неделю и светлое платье особенно хорошо на ней сидело.

Виктор был без цветов и со смехом сказал, что они бы завяли за целый день, который он надеялся провести с ней, да и его курсантского довольствия на все его планы не хватит. Шутка разрядила обстановку, ненужная чопорность куда-то исчезла, и пара направилась в центр, на Невский. Они должны были встретиться с Витиными друзьями, намечался культпоход в кино. У кинотеатра «Аврора» группа курсантов радостно приветствовала подошедших, белые форменки с голубыми гюйсами видны были за версту. Считалось шиком вымочить гюйс в растворе хлорки, чтобы новый синий цвет слегка поблек, и его обладатель выглядел старым опытным морским волком. Там были уже знакомые Неле по Москве Дед и Юра с невестой, Костя Павлецкий с женой и еще несколько ребят. На Костю и Деда, высоких и красивых, прохожие смотрели даже с некоторой завистью. Дело близилось к окончанию училища, распределению по флотам и дальним гарнизонам, и будущие защитники отечества, гордость советского флота, понемногу обзаводились семьями. Дзержинка шефствовала над Вагановским балетным учили-

щем, девчонки часто бывали у них на вечерах, и красавчик Павлецкий влюбился в юную Татьяну, без пяти минут звезду советского экрана, они поженились год назад. К пятому курсу число женатиков выросло уже до половины всего «плавсостава».

Шел фильм «Поезд идет на Восток», это было что называется в тему, не за горами распределение по флотам. Леонид Галлис произвел прекрасное впечатление, особенно на девушек, но ребята взახлеб заспорили, положено ли носить кортик к кителю, а не к тужурке, и каждый при этом мечтал побыстрее его получить. «А что, братцы, слабо двинуть на Дальний Восток? – спросил Курехин, место которому в Ленинграде в адъюнктуре было практически обеспечено – Да, Нель, в блокаду у нас работало около 20 кинотеатров и этот тоже не закрывался, представляешь?». После кино все разошлись по своим делам, кто-то домой, кто-то на свидание, а Неля с Виктором отправились в Русский музей, где она давно хотела побывать, а Виктору, как военному служащему, полагался бесплатный билет, стоимость которого можно было потратить на буфет. В следующее воскресенье Виктор смог вырваться в Зеленогорск. Они провели полдня на пляже, любуясь друг другом и болтая, сыграли в волейбол за команды-противники, подначивая друг дружку, потом Неля смогла договориться на кухне и покормила приятеля в столовой дома отдыха, а затем проводила на автобус. Они условились писать друг другу, а при возможности созваниваться.

На следующий день курсант отбыл на практику в славный город Севастополь.

Москва была пыльной и жаркой, за весь июль не выпало ни капли воды, и Павел жаловался, что его совхоз едва справляется с поставками клубники в Москву, а если засуха продлится дольше, то и с яблоками, которыми его хозяйство славилось, будет полный кошмар, точнее не с ними, а без них. Серафима страдала от мигреней, десятилетняя Инночка торчала вторую смену в пионерском лагере под Москвой, а Неля, навещая ее в родительский день, вспоминала, как в их с Рэмом детстве они замечательно проводили лето в лагерях на Азовском море. Однажды она зашла в «Педагогическую книгу» на Пушкинской и неожиданно встретила там Витину маму, Татьяну Абрамовну. Они вышли в соседний скверик, съели по мороженому, и Неля рассказала ей про Витю. О встрече в Ленинграде Татьяна уже знала из его письма и засыпала Нелю вопросами о любимом чаде, пожелала девушке удачи на педагогическом поприще, предложила обращаться, если будут вопросы по методике преподавания английского.

Неля. Казань

В двадцатых числах августа Неля была уже в Казани. Два большущих чемодана с книгами и одеждой девушка оставила у тети Пани и дяди Пани, которые были несказанно рады ее приезду. Она была Прасковья, а он Павел, но имя Паня они использовали в обращении с незапамятных времен, и по-другому их никто уже и не называл. Паня – тетя была диктатором, и Паня – дядя, как правило, соглашался с ней во всем. Присказка «молчу, Паня, молчу» прижилась во всех родственных семьях. Эвакуированная родня давно вернулась по своим домам, один сын не пришел с войны, а второй, сапер с двумя орденами солдатской славы, все еще выполнял свой воинский долг в Германии. Уже несколько лет миновало с окончательной и полной победы над врагом, а по всей территории Союза и в Европе продолжали тянуть военную лямку «старики», специалисты, которые были нужны или которым уже некуда было возвращаться. Так что приезд любимой племянницы, да еще и преподавателя престижного местного института обрадовал родственников. «Только я у вас жить не буду, – сказала Неля, – не обижайтесь. Мне комнату обещали дать в институте. Не хочу вам лишние хлопоты доставлять».

«Да как же ж, какую комнату. Мы у кремля живем, институт рядом, пешком можно дойти. А с жильем у нас тут не

очень, что дадут-то, общагу небось, холодную и голодную! Смотри, Нелька, лучше у нас оставайся, мы комнату выделим, будешь немножко добавлять на питание. И все». Неля же хотела взрослой самостоятельности. Устав от маминых нравоучений и жесткого контроля, она хотела войти в жизнь с чистого листа. Сама. «Ох, и своебышная ты, Нелька!»— частенько слышала она от мамы, но продолжала упрямяться, если считала нужным.

В институте ее приняли вежливо, но настороженно. Москвичка! Небось на хромом осле не подъедешь... Завкафедрой иностранных языков, лукавый Тагир Миргалиевич, расспросил про семью, про учебу, просмотрел документы и направил в кадры, там должны были оформить и про жильё рассказать. Кадровичка, узнав, что у молодого преподавателя есть родственники в Казани, посоветовала у них и пожить пока, а там и комнату в общежитии предоставят. А про завкафедрой сказала, что он мужик себе на уме, но заслуженный, владеет немецким, в войну был разведчиком и назначен в институт военкоматом. Неля слегка оторопела. И от проблемы с жильем, и от разведчика, и каким военкоматом он направлен на языковую кафедру, тоже поняла и намотала на ус. Она не понимала, кто же профессионально оценит ее знание языка и слегка волновалась, ждала заседания кафедры и пыталась понять расстановку сил. Пока же в институте царил предсентябрьский хаос, сновали туда-сюда студенты, в основном женского пола, как обычно в гуманитарных ВУ-

Зах. На удивление восточный типаж лиц встречался достаточно часто, может быть потому, что учительница – достойное занятие для женщины, если ей в семье вообще разрешили продолжить образование.

В кафедральный день она особенно тщательно оделась, завязала бант на светлой блузе, долго возилась с вьющимися волосами, закалывала, зачесывала, но оставила как есть. Мама всегда говорила, главное, чтобы голова была чистой. Когда она вошла на кафедру иностранных языков, все были практически в сборе и бурно обсуждали прошедшее лето, отпуска и домашние события. Часть преподавателей курила у открытого окна и громко чему-то смеялась. Услышав ироничную фразу «ну, она нам покаажет..», Неля вспыхнула, выпрямилась и шагнула в просторную комнату как в прорубь. Тагир Миргалиевич постучал по столу, призвал всех к вниманию и начал заседание с представления нового сотрудника. Затем пошла рутинная августовская проблематика, выясняли претензии к расписанию, распределению групп, не обошлось без недовольного ворчания, но в целом все прошло мирно и доброжелательно. В перерыве Неля познакомилась с двумя молодыми ассистентками Машей и Дашей и поняла, что не так все страшно, как казалось. Однако после заседания она услышала твердый, слегка манерный и знакомый голос: «Комрад Павлищева, подойдите, плиз». В углу за столом сидела знакомая до боли гримза, вся в седых бублях с неизменной папиросой в отставленных блед-

ных пальцах, Маргарита Дмитриевна Серова, искусный спец по грамматике английского языка. Она попортила много крови студентам, выбивая из них правильное понимание и толкование всех возможных форм глаголов, времен и прочей необходимой, но страшно нудной теории. «Ну что, дорогая, с приездом. Не пугайся, тебе повезло, здесь приличный народ подобрался. Первокурсники, правда, ужасные. Чему их только в школе учат!? А к концу обучения, глядишь и выравниваются». Неля с удивлением взглянула в глаза своему прежнему кошмару и увидела там вполне человеческую симпатию и сострадание. Она вспомнила, что пару лет назад кто-то говорил, что Маргарита уехала из Москвы к мужу, которому после возвращения из мест не столь отдаленных запретили врачевать в Склифе и на пушечный выстрел приближаться к обеим столицам. «Как-нибудь пожалте к нам на суаре. Обживетесь и договоримся. Расскажите, как там наш любимый иняз поживает, что новенького в театрах и балетах, – она улыбнулась и продолжила, – рада Вас видеть. И бегите, вон Ваши новые подружки заждались».

Про себя Неля решила, что комнату в общежитии займет, когда предоставят, а пока поживет «у Пань». Девушки с кафедры хотели показать ей город, но узнав, что она жила здесь в эвакуации, предложили просто сходить в выходные в кино. Потом будет не до этого. Распрощавшись, Неля поспешила к вокзалу, куда до востребования должны были приходиться письма от Вити. Мама пока не писала, но звонила вечером

домой, «к Паням» и порадовала, что теперь у них в комнате тоже установили телефонный аппарат, без диска, но с возможностью говорить не из коридора. Помог, как всегда, Павел, его связи в органах и пара ящичков отборных яблок. Пожаловалась, что Рэм все никак не женится, вокруг столько одиноких женщин, окрутит какая-нибудь и пиши пропало. «Он все по Маруське, жене командира своего, сохнет. Приезжала тут, вроде к врачам, хвостом покрутила и снова к мужу». Удивительный человек была Серафима, вроде и ничего не сказала, а настроение своим тоном испортила. И Рэмку жалко. Маруся нравилась и Неле, она была умной, твердой и нацеленной на движение вверх по партийной линии. Мягкий и неконфликтный Рэм запал на нее давно, но удержать не сумел. Мамина любимица Инночка после пионерского лагеря стала проявлять характер, дерзить, надо бы ее приструнить, конечно, но для этого в Москве есть старший брат, который любит дразнить малявку, мол когда она вырастет, будет ему сапоги разношивать. «Вот тихоня вроде бы, а и мне сколько крови в детстве попортил», вздохнула Неля

Письма пока не было. Грех жаловаться, Виктор писал раз в неделю. Сказал, что у них специально такой час на письма отводится, хочешь-не хочешь – надо! Письма были просто замечательными, веселыми и нежными, с короткими зарисовками забавных случаев на практике. Они как будто были пропитаны черноморским солнцем, и даже, казалось, пахли морем и теплой галькой. На удивление грамматических

ошибок у парня почти не было, а стиль был легким и каким-то музыкальным. Она видела его искрящиеся от смеха глаза среди исписанных мелким почерком страниц и краснела, и таяла, и пугалась нарушения привычных границ. Сама же Неля, получив конверт без марки с треугольной печатью, тянула несколько дней «для приличия», а потом долго маялась над формулировками, «чтобы кто бы ничего бы не подумал». Как будто чей-то чужой третий глаз мог взглянуть на письмо и прочитать. Кроме Вити, она переписывалась еще и с Генкой. С этим веселым балагуром она познакомилась в доме отдыха. Питерский студент «корабелки» был заядлым волейболистом и танцором. Обычно они гуляли большой компанией, но Гена находил способ и возможность быть с ней рядом, разговаривать, на прощание подарил набор открыток с видами Ленинграда и попросил адрес и согласия на переписку. Как говорила бабуля Дарья Павловна, все «чинно-благородно».

В институте дела шли прекрасно, отличница по жизни она готовилась к своим семинарам тщательно, оттачивала свои преподавательские навыки, проверяла задания и внимательно слушала. Она была доброжелательна к студенткам, не вредничала, не ругала, а они платили уважением и симпатией. Конечно, первокурсники были плохо подготовленными, с аховыми знаниями. Нестоличные школы пока не могли похвалиться качеством преподавания иностранных языков, но скоро ее ученицы придут на линию огня и внесут свою леп-

ту в уровень языкознания на периферии. Свободного времени почти не оставалось, подготовка к семинарам, неудобное расписание занятий, ознакомление с необходимыми для обучения в аспирантуре книгами в библиотеке не оставляли свободного времени даже на спорт. Иногда удавалось сходиться с подружками в кино. Она надолго запомнила проведенный в гостях у Маргариты Дмитриевны вечер, чудесную, совершенно незнакомую ей атмосферу ласковой дружбы и обоюдной заботы, веселого необидного подтрунивания между взрослыми людьми, какие-то интересные для всех разговоры о книгах, о жизни, о любви. Казалось, что она наговорила и наслушалась на всю жизнь, четыре часа пролетели незаметно и ко всеобщему удовольствию. А какой чак-чак, томленный в настоящем меду у них подавали!! Смущало одно: никак не выкинуть было из головы ощущение, что у них с Виктором будет похоже. И почему с Виктором.... Она гнала от себя эти ощущения-предвкушения, не основанные ни на чем, а Маргарита, провожая ее к выходу, спросила, все ли в порядке и пригласила почаевничать как-нибудь снова.

Письма от Витьки поступали с завидной регулярностью, Неля настолько привыкла к ним, что задержка в несколько дней приводила ее в расстройство. Сама уже привыкла советоваться с приятелем по разным вопросам и неизменно получала убедительные доказательства того, что он верный ее друг, что он умница и все понимает. Незаметно одноклассник стал важным человеком в ее жизни, не таким главным,

как ее брат, но почти сравнялся. Он прислал ей несколько своих фотографий, одного и с друзьями, и очень просил ее прислать свою. Тут девушка запаниковала, ей казалось, что на пустых блинах, которыми они питались в общежитии, ее щеки раздались и лицо превратилось в полную луну. А ведь она не восточная луноликая Шахерезада, тугие щеки давно уже перестали быть эталоном красоты!

Пришлось срочно поголодать пару дней, сходить в фотостудию и попросить затемнить выступающие скулы, если возможно. Фотограф долго смеялся и уговаривал ее не говорить глупости. Портрет вышел не очень, но в совокупности с приличным групповым снимком оказался вполне пригодным. Неля отправила его в Ленинград и получила кучу приятных комплиментов в свой адрес. После зимней сессии Виктор должен был приступить к дипломному проекту, тему он не мог озвучить, но девушка поняла, что она связана с подводными лодками. Спрашивала, когда у ребят будет распределение, и получила ответ, что все будет решено после защиты диплома, летом, а дипломы, погоны и кортики выдадут в августе-сентябре.

В один из декабрьских дней к ней подошли ее новые подружки и шепотом спросили, не хочет ли Неля сходить к гадалке. Она сначала опешила и чуть было не отказалась сразу, потом обещала подумать и стала расспрашивать, как это все происходит. Девушки наперебой взхлеб стали рассказывать, как трудно к ней попасть, как она все видит насквозь,

как сбываются ее предсказания. Только немного дороговато, но оно того стоит. Вечером, забежав к Паням на ужин, Неля вскользь поинтересовалась у тети, что это за гадалка такая. Тетка удивилась, она никогда не думала, что дочь Серафимы, убежденной атеистки и члена КПСС, может верить в гадание, но чудесные предсказания подтвердила, и раз уж Неля пойдет, пусть спросит, когда старший, наконец, вернется домой.

В следующую субботу три девицы в холодном автобусе, собиравшем по пути все ямы и снежные заносы, отправились к гадалке. В занесенном снегом домике на окраине гостей ждали, указали на лавку в теплых сенях и велели по одной проходить в комнату. Низкое окно было завешено темным платком, горело несколько свечей, теплилась лампада перед образом, по полу ходила рябая курица, клокотала горлом и наводила дополнительный страх. За столом сидела женщина непонятных лет, с космами, вылезавшими из платка. Неля сразу вспомнила Георгия Милляра в образе Бабы-Яги, хмыкнула и перестала нервничать. Перед Ягой на столе было разложено зерно, какие-то камешки, перышки, чашка с водой, свечи, мелки. Антураж был непривычный и потому пугающий.

Гадалка посмотрела на нее пристально и строгим тоном спросила: «Ну что, девица со странным именем, сама будешь спрашивать или меня слушаешь сначала? А коли не поймешь, спросишь. Так шибче будет, а то еще две вертихвост-

ки ждут, а время-то течет быстро». Неля приготовилась слушать и с удивлением узнала, что скоро она уедет домой, но ненадолго. Что ухаживают за ней двое, ей выбирать, оба ей подходят, муж будет «полувоенный», у нее будет двое детей, мальчик уйдет, проживет она до 76 лет, жизнь будет в целом благополучной, но с большими переменами. Еще сказала, что близкий человек в беде и грозит ему – показала жестом, наложив друг на друга по два пальца обеих рук, колодец? Решетку! За брата пусть не переживает, а помогает, очень страшная у него болезнь и несчастливая судьба, он хороший человек, но искупать грехи предков ему. Напоследок показала на яркий желтый камешек в россыпи под рукой, назвала его топазом и велела приобрести такой камень или украшение с ним, это будет оберегом и помощью. Неля едва успела спросить про двоюродного брата: «На пороге он, ждите. И иди уже». В состоянии какого-то легкого отупения Неля вышла в сени и села на лавку. Как же это не догадалась сразу все записать! Теперь ничего не помнит, в голове каша. Кому бежать на выручку, что делать... Ответы на свои вопросы девушка станет получать в течение всей жизни и не раз вспомнит гадалку... На обратном пути побледневшие подружки не в силах были даже разговаривать. Молча вышли у вокзала и разбрелись по домам. К тете идти не хотелось, не хотелось видеть любопытные глаза и уворачиваться от расспросов. Пошла в общежитие, соседка по комнате отсутствовала, Неля улеглась и укрылась одеялом и пальто, стала

прокручивать услышанное в голове, согрелась и неожиданно уснула с ощущением, что из нее выжали все физические силы. Проснулась среди ночи с мыслью о том, что надо кого-то предупредить о беде, но кого именно?

Через пару дней позвонила мама и сказала, что Нелю разыскивает руководитель ее дипломной работы, просит связаться. Якобы в московской аспирантуре освободилось место и, если она пошевелится, то может на него претендовать, так как хорошие отзывы о ее работе в Казани достигли московских ушей. Понизив голос, почти шепотом сказала, что у дяди Пети дела неважные, он «заболел», Катиня плачет и пытается его найти «по больницам», пока же подбросила золовке племянницу Маришку, которую они с Петром удочерили. Неля почувствовала, как у нее на затылке зашевелились волосы, «решетка» себя показала, и насколько она жесткая еще не понятно. Неля четко поняла, что сидеть в дали от дома ей будет невозможно, что обожаемой тетке-подружке-Катинечке нужна помощь и моральная поддержка, которую из другого города не окажешь. Придется постараться перевестись в московскую аспирантуру и искать там работу. Сейчас ее не отпустят, но через полгода она сможет быть в Москве, если повезет. Надежды на то, что Петра Григорьевича выпишут из «больнички», не было. После великой победы люди продолжали «болеть» и уезжать «по месту лечения».

Необходимые документы были собраны, характеристики

подписаны и под комментарий «мы так и знали вас, москвичей», заверены печатями. Ей почему-то казалось, что в Москве, кроме всего прочего, она будет ближе к Виктору. Если бы не проблемы у дяди Пети, то она была бы почти счастлива. «Москва, Москва моя – ты первая красааа-вица...звезды алые заветного Кремляаа», помимо ее воли крутилась в голове пластинка с популярной песней к недавнему юбилею столицы. Нельзя было сказать, что ей не нравилось в Казани, но все, даже работа, казалось временной передышкой перед чем-то более важным.

Она, конечно, напросилась на чай к Маргарите, причем на дневной, а не на вечерний с ее очаровательным и милым мужем. Рассказала о предложении перевестись в аспирантуру родного института, тем более местный ученый совет не спешил утверждать ее тему. Но Маргарита, пристально взглянув, спросила, что еще ее тянет в столицу, кроме всем понятных бытовых причин. И Неля, слегка стесняясь, рассказала ей о Викторе, с облегчением, потому что посоветоваться ей было не с кем. Подруг настоящих пока не завела, мама и тетка не поймут. «Мама вообще не очень любит евреев, хоть графа национальность в наших паспортах и отменена, но предубеждения укоренились и живут.» «Живут-живут» – подтвердила Маргарита и спросила, вдруг перейдя на «ты»: «Ты фамилию мужа моего знаешь? Гальперин Михаил Яковлевич, прошу любить и жаловать. Ты поэтому со мной поделилась?» – «Что Вы, Маргарита Дмитриевна, я даже не за-

думывалась!» – «Это ваше поколение может быть перестанет искать пятый пункт в паспортах, а наше с Вашей матушкой, извольте. Бывает. Так что мой Вам совет – после окончания учебного года берите ноги в руки и чешите в Питер, объяснитесь. Или сядьте у окна на улице Горького и ждите, когда Магомед придет к горе. На Волге моря пока нет. Но это не все, да?», пришлось рассказать ей и о тревоге за дядю. Да и кто еще, как не жена бывшего ссыльного, мог бы понять Нелин страх и не осудить, а посочувствовать.

Дни полетели быстро, посыпались с отрывного календаря будто подхваченные ветерком. Вот уже на носу Новый год и пахучие абхазские мандарины, подвешенные на елку, картонные довоенные игрушки и припрятанные карамельки, и стеклянные бусы и даже несколько шариков среди зеленых пушистых веток. И нет карточек, а есть накопленные к празднику продукты, есть предвкушение знаменитых пирожков – отличительной черты женщин рода. Мама прислала посылку с московскими конфетами и антоновкой из папиного совхоза. На почте Неле выдали фанерный ящик с небольшими круглыми отверстиями по бокам, и волшебный, ни с чем несравнимый дух спелых яблок моментально заполнил весь полуподвал, шибанул в носы окружающих. Очередь завистливо вздохнула. Неля с трудом дотащила посылку за бечеву, кроша по дороге многочисленные сургучные печати. Дядя Паня отругал ее, что не перепоручила это дело ему, не такой уж он немощный. Неля снова жила у них, в общежитии

как-то не прижилась и снова вернулась к тетке. Решено было до лета пожить у родных, а там, глядишь, проблема решится сама по себе, как раз и сынок обещал, что демобилизуют. Январь пролетел незаметно, в сессию напряжение у преподавателей уменьшилось, а у студентов возросло многократно. Неля много ассистировала на зачетах и экзаменах и наконец-то дошла до спортзала. Обнаружила там глухую стенку, обитую фанерой, которую можно было использовать для тенниса. В единственном на весь город спортивном магазине ракеток не оказалось, пришлось просить маму переслать с проводниками имеющуюся.

Все было хорошо, кроме отсутствия вестей о дяде Пете. Хотелось верить, что отсутствие новостей, лучше, чем плохие новости, но судя по голосу Катини, болезнь затягивалась и перерастала в хроническую. Катиня для прокорма семьи в составе двух отчаявшихся девушек вязала на продажу шапочки и перепечатывала на машинке огромное количество бумаг, подвизаясь надомницей в издательстве. Идти на работу «от сих до сих» она не могла, так как надо было выкраивать время на стояние в очередях «в больнице». Они стали особенно близки в это время с Серафимой, общее горе сблизило, Инночка была уже большая, Рэм жил в офицерской казарме и Сима была более-менее свободна.

«Марток – надевай сто порток» тоже пролетел со свистом, ветер с Волги пронизывал до костей, обувь промокала, вечно холодные ноги обеспечивали красный нос и немзыкальное

шмыганье. На чаепитии в честь пролетарского Дня 8 марта треть сотрудников кафедры отсутствовала, и Тагир Миргалиевич вдруг заговорил о том, каким хорошим сотрудником оказалась Нинель Павловна, как ее будет не хватать, когда она уедет в московскую аспирантуру, и пусть их не забывает, если что...когда...Неля вздрогнула от неожиданности, так как ответа на свое заявление о переводе не получила. Оказалось, что письмо пришло на кафедру и было вскрыто, так как получатель не был указан. В апреле природа показала свою лучшую сторону, в течение нескольких первых дней ручьи смыли остатки грязного снега, солнце ударило в медные тарелки, стало практически жарко, люди распахнули темные теплые пальто и город запестрел цветочками, листочками, женскими яркими платками. В эти радостные дни Неля ждала только счастливых событий, но позвонила Катинечка и сказала, что Петру дали 10 лет на выздоровление и исправление ошибок. «Наш паровоз» отбыл на восток с остановкой в весьма сомнительной коммуне.

В мае Виктор сообщил, что они отбывают на стажировку на Север, теоретическую часть диплома он написал и сдал на проверку, а после практики завершит оформление всей работы. Стажировка продлится полтора месяца, в конце июня они вернутся в Ленинград и руководство обещает, если средняя оценка курса за практику будет высокой, им предоставят неделю отпуска. «Есть надежда, что скоро увидимся, Неся!» Курс разбили на несколько групп, одна из них отправляется

на Черноморский флот, туда правдами-неправдами пробился одессит Воронин, Курехин едет на Балтику, а Виктор с радостью будет нести вахту в Заполярье, там самая интересная и современная техника, хочется все увидеть и пощупать самому.

Виктор. Стажировка

Пощупать самому – это главное в освоении навыков будущего флагманского механика дивизиона, бригады, дивизии или флота. Для Виктора его будущая профессия не только самолюбование «я такой весь из себя красавчик в белой тужурке на мостике», хотя тоже с удовольствием посматривал по сторонам и внутренне улыбался восхищению окружающих. При этом он прекрасно понимал, что для гражданских человек в морской форме всегда немножко сказочный герой. Он прекрасно помнил и службу на катерах, и практику на флоте, где ценность механиков в опасных ситуациях возрастала многократно, от их работы часто зависела напрямую жизнь экипажа и выполнение поставленных задач. И вообще, для любимых его подводных лодок механик, командир электро-механической боевой части (далее БЧ-5), в подводном положении равен командиру, если даже не превосходит его по значимости в глазах команды.

Да взять хоть его стажировку в Балаклаве после четвертого курса!! Маленький, вытянувшийся вдоль изрезанной бухты поселок, весь отданный во владение военно-морскому флоту, его кораблям и людям, пропахший смесью соли и солянки, с его глубокими шхерами, служившими и укрытием, и доками для подлодок – это же просто «мечта балтийца», как говаривал комод Седов, комод не в смысле мебели,

а командир отделения Мишка Седов! Но рассчитывать после окончания училища по распределению сюда, а тем более в Севастополь, было нереально. Да Виктор и не рвался! Он с удовольствием вспоминал свой дальневосточный период и вполне готов был его повторить.

Конечно, Севастополь, хоть еще и не полностью пришедший в себя от военной разрухи, прекрасен: набережная, много зелени, Графская пристань, полосатый морской храм на горке. Здесь хоть и полно моряков, и девушки не заглядываются на каждого проходящего в белоснежной фуражке, как в Москве или даже Питере, но все равно на фоне этого «самого синего в мире» летнего моря и солнечного города хочется чувствовать себя таким капитаном фрегата, аристократичным и слегка высокомерным. «Барон Де – Коктейлюк», «маркиз Де Бар’дович» обращались они друг к другу со смешным поклоном, попивая разливное пиво из толстых стеклянных кружек и поглядывая по сторонам, чтобы не попасть на глаза военному патрулю. И на всякий случай придвигались поближе к соседней желтой бочке с надписью КВАС. А то дело могло кончиться керосином...

Так вот о Балаклаве. Весь курс распределили на две группы, меньшую оставили в Севастополе, а другую отправили туда, в жемчужину черноморского подводного флота. Попали они с корешем Ленькой Корнелюком на подводную лодку. Лодка заслуженная, довоенной постройки, флаг был поднят в июле 1941 года, отличилась несколькими потопленными

ми кораблями противника и десятками спасенных братишек с наших. Экипаж был неплохой, приняли ленинградцев душевно, тем более они были из инженерного училища, «рабочей косточкой». «Малютки», ласково и стремно именовавшиеся «зажигалками», представляли из себя сорокапятиметровую посудину, способную погружаться на шестьдесят метров с автономным плаванием до десяти суток, с экипажем около сорока человек. Курсанты несли вахту совместно с механиком, по очереди выполняя работу мотористов, так как места в лодке было маловато. Бухта была необыкновенно красивой, а с высокого берега была видна широченная гладь моря. Стоя на берегу после марш-броска курсантской роты, широко расставив руки, Вовка Балакин громко и с нарочитым пафосом читал над обрывом:

На полярных морях и на южных,
по извивам зеленых зыбей
меж базальтовых скал и жемчужных
шелестят паруса кораблей...

– Ты мне пошелести еще тут – рявкнул физрук и scomандовал: «В казарму бегом!». «Погоди, – прошипел курсант, – через пару лет я тебя сам погоняю». Потом в казарме Витя пытался выяснить у приятеля фамилию автора стихотворения, тот сказал, что автор неизвестен, а стихотворение называется «Капитаны» и взял он его из тетрадки старшей сестры. Сам Балакин был вечным редактором стенных газет и тоже баловался написанием виршей и декламацией со сцены.

Однажды в казарме сыграли боевую тревогу. Полусонные мичмана бросились на пирс. Командир объявил выход в море на боевую службу и приказал двум графьям, Корнелюку и Здановичу, спускаться в отсеки. В заданный район стрельб вышли в надводном положении, раздалась команда. «Срочное погружение. Поднять перескоп. Погружаемся на семь метров с дифферентом два градуса на нос». Лодка стала уходить в глубину и вдруг все почувствовали резкое уклонение на корму, показалось, что субмарина перестала слушаться своих командиров. Произвести положенное аварийное всплытие не удавалось. Командир БЧ-5 увидел на табло нештатную ситуацию и понял, что не до конца закрылась захлопка шахты подачи воздуха к дизелям, в шестой дизельный отсек стала поступать вода. Мотористы, как и положено, задраились внутри и по команде стармеха вручную исправляли поломку. Справились. Прошло не так много времени, дифферент выровнялся, побледневший командир скомандовал всплытие. В надводном положении доложили командиру дивизиона, тот велел возвращаться. «С боевым крещением, орлы-молодцы!» – сказал стармех на пирсе. Ленька пошел тошнить в галюн, а Виктор еще раз убедился, что механик – это «етитская сила»!! Стрельбы произвели на другой день, за срыв учений никого не наказали на удивление, так как удалось доказать недоработку конструкции. Понятно, что не наказать, это на флоте все равно, что поощрить.

Об этом, как и о веселых, но очень редких увольнитель-

ных он Неле, конечно, не писал. О военных секретах нельзя было из-за жесткой цензуры, о личных приключениях – из-за нежелания испортить установившуюся симпатию. Да, пару раз возвращались после отбоя с теплых встреч со студентками на танцах, избегая патрулей и дыша в сторону, разок выгребали «противолодочным зигзагом» из гостей, один раз пришлось показать местным, что просто так в сборную училища по боксу не берут. Ленька продолжал балагурить и противным голосом вокзального радиодиктора вещал на полказармы: «Балаклава, Балаклава, Галя слева, Валя справа» или еще лучше: «пиво слева, водка справа». Парни хохотали, и, обсуждая практику, больше говорили о сложностях с начальством, о придириках кураторов и не делились неприятными событиями, если они у кого-то и были. Так никто и не узнал, почему Ленька перед распределением приложил все усилия, свои и родни высокого ранга, и остался в штабе Ленинградского военного округа переключивать бумажки, а через несколько лет совсем комиссовался.

Впереди был последний курс, а значит пора готовиться к службе, дальним гарнизонам, пора остепеняться, заводить семьи, потому что возвращаться из морей-океянов хорошо туда, где тебя ждут. И если большинство девушек с удовольствием принимало ухаживания будущих флотских офицеров, некоторые вдруг стали выставлять условия «туда поеду-туда не поеду». Конечно, если их звали «туда поехать», ха-ха. Ирка Курехина заявила, что за Урал из Питера и не

подумает, невеста Деда, сама дочь военного, сказала, что готова только на Черноморский, так как намерзлась в Заполярье на всю оставшуюся жизнь, подруга Мишки Кромера собиралась в аспирантуру и не за какие коврижки не хотела покидать Ленинград. Словом, в большой дружной курсантской роте начали происходить маленькие трагедии, разбивающие большие мореманские сердца. Все вдруг опомнились, что распределение пойдет по спискам, составленным по среднему баллу за последние три курса с учетом характеристик, составленных начальником курса, начали активно готовиться к зимним экзаменам, кое-кто стал преданно заглядывать в глаза комоду, а кое-кто откровенно стал постукивать на своих товарищей.

Виктор не слишком вдавался в подробности и не участвовал в битве за Европу. Он с благодарностью вспоминал Дальневосточный военный округ и жил по принципу, который много позже сформулирует острая на язык морская братва: «дальше ТОФа не пошлют, меньше лодки не дадут». Он писал Нельке, с радостью получал ее письма, в увольнительные с ребятами по-прежнему ходил в Мраморный на танцы, флиртовал с девчонками и чувствовал себя прекрасно. Засидевшись за расчетами и описанием борьбы за живучесть подводных лодок, он бежал в спортзал, сам кого-то молотил на ринге, получал существенные удары в ответ, в выходные несколько раз участвовал в лыжных гонках на первенство ВУЗов Ленинграда в Кавголово, радовался снежной

зиме и всем ее сезонным удовольствиям: катанию на коньках под песни из громкоговорителя, легким поцелуям замерзших губ, горячему чаю с коньячком из термоса, битвам снежками в Летнем саду и подчас недоумевал, как можно мечтать о местах, где не бывает снега и зимы. Всезнающий Курехин как-то сказал, что многолетнее изучение снежинок показало уникальность каждой, среди тысяч изученных не было двух одинаковых. Снежинки, как люди, каждый со своими заморочками и со своими пристрастиями. Он мечтал об отпуске после зимней сессии, перед предстоящим погружением в диплом, надеялся, что в воинской кассе сможет раздобыть заветный билет в Москву. Даже голова кружилась от предвкушения вкусной домашней еды, сна без ранней пробудки, собственной ванны, от встреч с друзьями и родными. У него в конце войны, кроме Петьки Фастмана, появился новый замечательный друг – родственник, Боря Линде. Двоюродная Сонька всегда была предприимчивой и самоуверенной и даже в своей узкой среде музыкантов смогла найти классного парня, не манерного и «одухотворенного» до тошноты придурка, типа Кости, который ходил за ней по пятам со школы, а талантливое, умное, с прекрасным чувством юмора, да еще и чертовски привлекательное парня. Родня была в восторге, Боря закончил консерваторию и подавал большие надежды. Виктор познакомился с ним еще в сорок четвертом и теперь, изредка навещая Москву, старался повидаться, выпить, потрепаться по-мужски, с еще боль-

шим интересом, чем с постоянно ускользающим Петькой. Неожиданно в разговорах они выяснили, что Борин отец тоже несколько лет работал в Америке, только об этом, а также о том, куда их отцы потом подевались, говорить было нельзя. Это не только было «не принято», это было опасно. Все жили под строгим оком невидимого наблюдателя и сверяли с ним свои слова и поступки. Теперь у Вити появилась самая настоящая племянница, большеглазая Наташка. Ее обожали все многочисленные тетки Зданович. Кстати, надо бы ребенку что-нибудь в Питере купить в подарок. Ой, и Левку не забыть! Денег придется одолжить у ребят, у тех, кто останется в Ленинграде на довольствии и будет жить в казарме. А с выбором помогут продавщицы, особенно если взять с собой Деда Воронина, на него девочки за прилавком клюют очень активно.

Татьяна. Москва

Вспомнив о Москве, мичман Зданович вздохнул и подумал, что маме надо чаще писать. Звонить дороговато, но раз в месяц он с шоколадкой ходил к знакомой вольнонаемной барышне, и та после долгих уговоров соединяла его с Москвой после отбоя, благо телефон на Суцевской был собственный, его никогда не отключали, даже в войну. Он наизусть помнил: Д-5-12-28. Мама заметно постарела, посуровела, стала менее эмоциональной, чем в молодости, оживлялась только когда говорила о работе. Других интересов, кроме Левки и работы у нее не было. Подруг так и не завела, общалась изредка с сестрами мужа и Ларочкой, секретарем Матвея. О папе не говорили никогда. Левка рос независимым, любознательным и ленивым, не утруждал себя ничем, что не несло в себе пользы или угрозы, уроки делал кое-как, но благодаря отменной памяти и прекрасно подвешенному языку шел не в последних рядах по учебе, тройки встречались, но в основном учился «на хорошо». Уж его-то никто не посмел загонять в музыкальную школу, хотя слух у него тоже был отменным, не даром по папиной линии было много музыкантов. Он всегда напевал что-нибудь модное и популярное. И вкусы его уже тоже оперились, несмотря на молодость. Он предпочитал «Утомленное солнце» «Синему платочку» одного и того же композитора Юрия (Ежи) Петербургского,

польско-еврейского музыканта, сбежавшего на другой континент. Попытки водить его в оперу успехом не увенчались. Да и вообще всей этой чепухе он предпочитал совершенно другое направление – джаз.

Татьяна отчаянно хотела вырастить из младшего сына широко образованного человека, учитывая, что старшего воспитало государство и военная пора, а этот был полностью на ее ответственности. С бытовым обслуживанием справлялась Демьяновна, денег в семье было вполне достаточно, и Лев рос, посвистывая и «не прикладая» рук. Небольшая, но собственная, не коммунальная, квартира почти в центре. Высокая потребность в Татьянинных умениях и знаниях с соответствующей зарплатой позволяли ей содержать семью из трех человек на достойном уровне. Если бы еще и Витюшу видеть почаще! Но старший сын, к сожалению, уже отрезанный ломоть, о его жизни она знала немного, но по его глазам в редкие свидания видела, что у него все хорошо, и чувство вины отступало. Еще бы попалась ему хорошая жена, а то зашлют за кудыкину гору, одного, кто же бедного мальчика там обнимет и накормит... И некстати вспоминала польскую колыбельную, которую пела ему в далекие двадцатые годы, когда все казалось простым, понятным и обнадеживающим: «А-а, котки два, шурум-бурум обы два, ницьябенду робыли, тылко Витю бавили...». Кстати, надо с Левкой заняться польским, у него явные способности к языкам при отсутствии желания напрягаться. Витя тоже, наверное, способный и к языкам, и

к музыке, но его уже упустили, и теперь он идет по собственному пути. Надо же среди их родни завелся военный! Кто бы мог подумать! Вот бы Мотя удивился... А сестры его смотрят на это если не с пренебрежением, то с великим удивлением. Да, хотелось бы, чтобы и семейная жизнь у мальчика сложилась. Вот одноклассница его, Неля Павлищева, неплохая девочка, умненькая, с характером – сразу видно. Да не поедет же выпускница иняза за тысячу верст... А жаль...

Война была позади, проблем в стране хватало, довоенная жизнь по-прежнему казалась более прекрасной, чем была, международные связи понемногу оживлялись, Татьяна втайне надеялась, что сможет найти хоть одного человека из оставленных в другой части мироздания. Бессонными ночами она думала о том, что может быть сможет когда-нибудь узнать о брате или о Ребекке. Ведь кто-то в конце войны пытался передать ей весточку, а она до такой степени испугалась, что отрезала для себя все пути. Сестер и родителей Таня мысленно уже похоронила, рассказы о кошмаре Варшавского гетто достигли и СССР. Бездорожных напрямую не давал о себе знать, но Татьяна понимала, что ее не тронули после странной смерти Матвея только благодаря его прикрытию. Осознав эту данность, Татьяна стала меньше оглядываться за спину.

Серафима. Москва

Серафима, отправив дочь в Казань, отстояла в квартире свое право на уменьшение на одну четверть нагрузки по уборке. Из-за Рэмки она спорить не стала, он часто оставался ночевать дома, а не в офицерском общежитии, а вот Неля уехала в Казань неизвестно на сколько. Тяжелую уборку по огромной квартире она тянула сама, дочек не подключала, и с годами это стало делать все тяжелее. Полотеров в огромный коридор нанимали сообща вскладчину два раза в год, остальную работу выполняли по графику. Тут уж кто как умудрялся: Роза нагружала свою домработницу Полю, Кусакины тянули свой срок вдвоем, Михайловы все делали кое-как, Сима же привыкла все доводить до блеска, причем сама. Хорошо, что четыре кухонных плиты были поделены на персональные конфорки, в среднем по две на комнату, и тут уже оттирали каждый свою часть. Поэтому на Розиной и Симиной плите играли солнечные зайчики, а на Михайловско-Кусакинской части пригорелые желтые пятна были видны во всей красе. Если готовился большой обед или ждали гостей, можно было занять соседские конфорки, но потом убрать за собой обязательно, а то от скандала не отвертишься, и когда кипятили белье в чанах, договаривались делать это не одновременно. Пекли только Сима и Лена Кусакина, духовок хватало и отмывали их после использова-

ния. За газ платили «поголовно», разбивая общую сумму на количество едоков в семье, так же, как и за электричество в местах общего пользования. В комнатах у каждого были отдельные электрические счетчики, отмеряющие съеденный свет внутри. Когда дежурства по квартире не было, Сима два раза в неделю подрабатывала машинисткой в жилконторе по совместительству. Денег постоянно не хватало, хорошо, что Неля уже закончила учебу и получает зарплату. На Дарью Павловну немножко добавляет в семейный бюджет Павел, да и Рэм свою капитанскую получку частично тратит на семью, подбрасывает маме деньжат. И как это они справлялись, когда Неля училась на дневном, непонятно! Когда были карточки, разница в достатке в семьях была не такой заметной, как нынче. Инночка растет, ей надо покупать обувь, с одеждой пока справлялись, Маша по старой памяти помогала перешивать вещички на девочку, даже умудрялась выкраивать из обрезков что-нибудь на выход.

Арест Петра прозвучал для семьи как гром с ясного неба. Петр, вернувшись с фронта, погрузился в свои железнодорожные дела, ездил с инспекциями по стране, получил две комнаты в районе Мещанских улиц, в четырехэтажном доме с туалетом и даже ванной. Катиня, вторая жена Петра, в конце войны удочерила племянницу и у них образовалась полноценная семья. Маришка училась в первом классе, Катиня не работала, оставив службу вольноопределяющейся телефонистки в военной части. И вдруг однажды из Главка,

где работал Петя, позвонила секретарь и задушенным голосом сказала, что Петра увезли среди рабочего дня на «воронке» под конвоем. Это был настоящий ужас! Несколько дней Катиня пыталась выяснить, куда дели мужа, потом ей велели не лезть не в свое дело, и она, оставив Маришку Симе, объезжала друзей и начальников, пыталась понять, что произошло. Пройдет почти девять лет, и когда больной, постаревший и тощий, но живой Петр вернется из отдаленных мест, она узнает причину – донес его же сослуживец, найдя результативный способ получить должность Петра, который в частном разговоре назвал великого Берия «говнюком». И не защитили его ни звание старого большевика, ни старые партийные связи, ни ордена Красного знамени за Гражданку и Отечественной войны за только что прошедшую. Одинокие Катиня с Маришкой прилепятся к Павлицевым, станут одной дружной семьей, которая и в горести незаметно будет укрывать каждого члена этой ячейки теплом. Вместе они будут отмечать праздники, поддерживать друг друга в горе и в радости без зависти, пафоса и лишних слов. Гостеприимство Симы сохранило подобие клана, в который входили и московские родственники бывшего мужа. «Ууу, Павлицевская порода!» – в сердцах говорила Сима младшей дочери, но это скорее употреблялось для красного словца. Павел тоже был здесь постоянным, может быть не совсем родным, но уж как минимум двоюродным родственником с правом совещательного голоса. Частенько заезжал заодно проведать

маму и участвовал почти во всех праздничных застольях. Серафима старалась, краснела и готовила вкусности, пекла его любимые пирожки, громко шутила за столом и всячески демонстрировала независимость и успешность. Когда Павел узнал про друга юности Петра, он громко матернулся и сказал, что Петька должен был следить за своими выступлениями, «с таким задиристым характером в наше время не протянешь». И сделал выводы уже для себя. Потом спросил, чем помочь Катеньке, спустился к машине и приволок какой-то продуктовый паек «для обездоленных девочек». А к празднику завез три коробки конфет – всем женщинам семьи – Симе с Инночкой, Катине с Маришкой и маме.

Нелька, слава тебе, Господи, послушалась совета, подала документы в московскую аспирантуру, переводится в конце июня. Радость-то какая! Москва это тебе не Казань, возможности другие совсем, театры, которые дочь обожает, подружки ее, «лемешевки» сумасшедшие, ребята знакомые, любимый «Буревестник» и «Динамо», куда звали давно. Здесь будет, под маминым крылом. Правда, харАктерная уж очень, зато пример для Инночки. И может жениха найдет хорошего, если не будет слишком своевольничать. А то писала что-то про Витю из школы, они в Ленинграде встречались и сейчас переписываются. Офицеры хорошо получают, особенно моряки. Жаль, Витя этот – еврейчик, кажется. А Сима в силу своего пролетарского самосознания относилась ко всем нациям одинаково хорошо, но осторожно. Зато они хорошие

врачи, улыбнулась сама себе, а затем хмыкнула – и при чем тут врачи...? Вон Ким, красавчик, сын соседки Розы из их квартиры, кстати, врача, закончил исторический факультет МГУ, приглашал девчонку в кино, в театр, а она заладила: «отличный, умный, но скучный», так ничего и не вышло. А он без пяти минут кандидат наук и почти доцент! Хотя, правда, тоже из этих... Рэм с Кимом дружил с детства, предлагал сестре лучше присмотреться к соседу, но этой «своеобышной» в некоторых вопросах и старший брат не указ.

Виктор. Москва

Неделя в Москве пролетела стремительно и полноценно. Выспался, отъелся, отмок в ванной с книжечкой, начитался периодики в туалете, почувствовал себя прямо барином, а не усталым армейским скакуном в большой конюшне. Каждый день Татьянушкин завтрак и вкуснющая еда в гостях. Все родственники расстарались, приглашая редкого гостя, да еще и моряка, готовили лучшее из того, что умели и что могли достать. Два раза смог побывать в театре, даже в Большом. Это Туська Вакшанская, подружка школьная, помогла своими связями. Она все надеялась восстановить отношения с Геной Родионовым, Витиным однокурсником, который, по сути, разбил ей сердце и жизнь.

Познакомились они после памятного парада Победы, потом Наталья приезжала к тетке в Ленинград, нашла Витю, а через него и Гену, с которым закрутила пылкий роман. Сидела месяц на одних яблоках, сбросила десять килограммов, постройнела и посвежела. Глаза у нее горели каким-то яростным пламенем, и Витька, отвешивая ей комплименты в поддержку, не забывал подчеркнуть, что они горят голодным огнем как у волка. Туська была студенткой московского меда, «пироговки», и когда у Генки обнаружили туберкулез, бросилась в Ленинград, перевелась туда учиться и выхаживала своего героя, как могла: продавала какие-то ста-

ринные вещицы и на вырученные деньги покупала ему «чи-стейшее сливочное масло», икру, фрукты, сидела часами в военном госпитале, а потом забрала свое любимое несчастье к тетке и продолжала выхаживать. Такого подвига во имя любви заслуживает не каждый, точнее «не каждая скотина», выразился Курехин. Все знали эту историю самоотверженного служения любимому божеству, поэтому, когда Генка, вылечившись и прикинув, насколько в его будущей головокружительной карьере нужна дочь репрессированных родителей, да еще и еврейка, с ней порвал, многие перестали с ним дружить, точнее общаться без необходимости. Осудить громко побоялись, «суд чести» по такому вопросу никто не устраивал, но чувство гадливости возникло почти у всех. К выпуску Геннадий сделал предложение дочери московского чиновника, выстилая себе перспективную дорожку, а Наталья, закончив с некоторым отставанием институт, подалась «на Севера», в Заполярье.

Итак, культурный отдых был обеспечен и дополнен посещением тети Рахили и тети Хены, чей зять Борька стал главным московским конфидендом и другом. У тети Рахили Виктор потерпел полный крах в шахматной партии с ее внуком Юркой, первокурсником мехмата МГУ, поболтал с кузиной Эдой о новинках зарубежной литературы и взял пару книжек почитать. А у Хены и супругов Линде, выпив от души коньячка, до полуночи пел с Борькой песни военных лет под его же аккомпанемент, затем был посажен на оплаченное

ими такси и с шиком на «Победе» препровожден на Сушевку. Никакого стыда или унижения тут не было, Витька был безденежным курсантом, а они состоятельными и, обратите внимание, любящими родственниками отца.

Татьяна с Витей по золовкам не ездила, она, как на грех, простыла и лежала дома с температурой и насморком, а Лева наотрез отказался, сказал, что будет скучно, и он не хочет сидеть за столом со взрослыми и маяться. Правда, узнав, что Юра был дома и они провели часок за шахматной доской, слегка расстроился. С Петькой встретились как-то набегу, в пивнушке на Миуссах, за кружечками разливного с вяленой воблой, которую отличник советской торговли где-то наловил. Пару часов трепа о том, о сем и приятель убежал по важным делам. Потом такие дела назовут фарцовкой и пришьпляют к ним некоторые недетские сроки перевоспитания. Петька удивился, что они с Нелькой Павлицевой состоят в переписке и даже виделись, порадовался за друга, пожелал ему воплощения мечты и велел звать на свадьбу. Расковыряв душу в беседе с другом, Виктор хотел уже бежать на вокзал и брать билет на поезд в Казань, но одумался – денег нет, только долги, проездные выписаны и отоварены по маршруту Ленинград-Москва и обратно, и пошел домой пешком, борясь с собой, позвонить или нет маме обожаемого предмета, благо телефон был. Серафима Григорьевна удивилась, сказала, что у дочери все хорошо и она надеется скоро быть дома. И главное – она дала телефон казанской родни. Испросив у

мамы Тани разрешения поговорить по междугородной связи «в кредит», он вечером набрал номер и услышал голос, будоражащий сердце. Алло, Казань, ответьте Москве.....

Короче, каникулы прошли на ура, а потом началась выматывающая все силы работа над дипломом по теме «Энергетическая установка подводной лодки». Надо было не только все рассчитать, найти подтверждающую литературу, самое нудное было переписывать свою работу с черновиков на чистовик, заполнять его аккуратным и понятным почерком, чтобы рецензирующий преподаватель мог понять, что ты там наворотил. А чертежи!! Десять ватманских листов большого формата, причем не менее трех должны были быть выполнены тушью, а Виктор и карандашами-то чертил на три с плюсом. Нет, чертежи были точными до миллиметра, а вот с аккуратностью и чистотой-красотой дело было швах. Пришлось договориться с Вилькой Окуневым, и за две коробки московских конфет «с оленем» фабрики «Красный Октябрь» для девушки тот согласился часть чертежей для друга выполнить. С коробками помог, конечно, всемогущий Петька. Он, не доверяя почте, организовал передачу «долга чести» через проводницу, а верная подруга Вакшанская встретила поезд, поскольку ей увольнительная не требовалась.

Наступил великий день: работа сдана на кафедру в срок, можно расслабиться и покурить... И пока курили на заднем дворе главного корпуса у вонючего и полного окурков ведра, начали осознать, что все привычное, удобное или раздра-

жающее, но все равно привычное... заканчивается. Впереди у каждого финишная ленточка, и совершенно разные дороги на все четыре флота, другая, совершенно пока неизвестная жизнь. Без казармы, без проверенного дружбой локтя, в свободном и поэтому никому не знакомом режиме существования вне службы. Еще через несколько дней они отбывают на преддипломную практику, и перед этим их ждет волнующее мероприятие – уточнение размеров будущей офицерской формы одежды, которое они непременно превратят в цирк. А до убытия на стажировку в качестве подменных инженеров-механиков (в Витином случае в Заполярье), самое важное событие, которое определит всю дальнейшую судьбу и военную карьеру – распределение по флотам и другим местам службы (уже прошел слухок, что несколько человек будут направлены в подразделения, подчиняющиеся Москве напрямую). Те, кто был отобран, уже прошли дополнительные собеседования и спокойно курили в сторонке. Виктор тоже был относительно спокоен, по общим разговорам он понял, что подводный флот выбрали немногие, а графу с пожеланиями стороны света он заполнил следующим образом: «предпочтительно Тихоокеанский флот, в случае отказа – Черноморский», чем поднял настроение всей комиссии по распределению, так как большинство писали ровно наоборот. Укрепление Тихоокеанского рубежа страны стало одной из главных задач, шла к концу война в Китае, начиналась какая-то заваруха на Корейском полуострове, мир, не успев

прийти в себя после страшных событий в Европе, начал трещать по швам на востоке. Военственные заявления глав государств не оставляли надежды на тихое благополучное существование.

Получив свое предстоящее назначение в третью бригаду подводных лодок Седьмого Военно-Морского флота Советского Союза, Виктор мысленно перекрестился (любимая Татьянаушка крестила его еще в далеком детстве) и заторопился в казарму, переодеться к заслуженному и такому желанному выходу в город. Волнение и напряжение спали, и появилась огромная потребность взлететь, ну или хотя бы выпить по рюмахе. Что они и сделали. И даже по одной.

Преддипломная стажировка на Северном флоте прошла замечательно, пролетела быстро, мичмана были задействованы по полной, трудились без отдыха, не поднимая головы, и практически без увольнительных, короче, как приехали, так и уехали, даже про танцульки в матросском клубе никто не вспоминал. Белые ночи и адреналин завершения большого жизненного этапа будоражили и не давали раскисать. Распределенные на надводные корабли побывали в многодневном походе, подводникам несколько раз посчастливилось выйти в море на учебные стрельбы и отработку торпедных атак. Все были в предвкушении защиты дипломных проектов и выпускных банкетов, волновались, своевременно ли получают обмундирование, чтобы предстать перед любимыми и родными в полном блеске и неотразимости, сменив кур-

сантские палаша на лейтенантские кортики. В декабре блестящие новыми погонами лейтенанты должны были пополнить когорту славных военно-морских офицеров страны.

Подруга писала курсанту, что в начале июля будет уже в Москве и начнет заниматься аспирантурой, утверждением темы для диссертации и поиском работы, так как позволить себе дневное обучение не сможет. Наверное, придется идти в школу, чего она явно побаивалась. Они обсуждали раздельное обучение мальчиков и девочек, введение с сентября единой школьной формы и кучу событий в театрально-концертной жизни столицы, которые Виктора по большому счету не очень-то интересовали, но он хотел быть в курсе новинок, чтобы слыть «на уровне». Мама тоже старалась писать почаще. О том, что ей предложили полностью перейти на работу в ТАСС в качестве старшего преподавателя с хорошей зарплатой, о любимом Левушке, которому в октябре уже в комсомол вступать, а он бывает безответственным как октябренок. Она сетовала, что скоро старший сын опять отправится в дальние дали и они будут видеться еще реже, завуалированно спрашивала нет ли у него кого-то для создания семьи. Семья – огромное счастье, если она полноценная.

Неля. Москва

Нинель Павловна Павлищева приступила к работе учителем английского языка в пятых – седьмых классах престижной мужской московской школы, расположенной всего в трех остановках от дома. При приеме на работу ей сказали, что здесь учатся много детей советской элиты, что она должна высоко нести знамя советского педагога и побыстрее встать на комсомольский учет. Несмотря на то, что девушка до тошноты боялась своих новых питомцев, она успешно провела первые открытые уроки и заслужила похвалу завуча. А через три недели, возвращаясь после уроков пешком домой, увидела, что за ней следует небольшая такая хихикающая толпа в новенькой серой фланели. Мальчишки веселились, галдели, толкали друг друга, мешали прохожим, которых в это время было немного, но близко, слава богу, не подходили. Проводили ее до подъезда, немного попомогли под окнами и ушли вниз по переулку. А она села за проверку тетрадей и в очередной раз подумала, что сентябрь скоро кончится, а от Вити «ни слуху ни духу», написал, что защитился успешно, готовится к посвящению в офицеры и ... пропал. Писем не было уже недели две.

У Виктора же началась отвальная карусель. Ребята, с которыми на протяжении пяти лет он находился в постоянном общении, его кореша и сотоварищи, верные соучастни-

ки будней и праздников, побед и поражений начали разъезжаться в разных направлениях, кто к родителям, кто жениться, кто оттянуться в последний раз где-нибудь на Кавказе под пальмами. Он погулял на трех свадьбах в течение одной недели, пригласил в ресторан одинокую Туську, навещил питерскую родню в лице троюродной сестры Зазы с тортом из «Метрополя», чем заслужил прощальный поцелуй, и разжился хорошо подержанным чемоданом для перевозки формы и небогатой кучки личных вещей. Питерскую родню Виктор навещал редко, муж кухни с упертой ленинградской нелюбовью к Москве и москвичам старался подначить, высмеять и продемонстрировать интеллигентность и превосходство ленинградцев по всем статьям. Эта нелюбовь жила во многих горожанах на подсознательном уровне, передавалась из поколения в поколение как проявление обиды за перенос столицы в начале века. Было смешно, неловко, но и бодаться не хотелось – был ли смысл, ведь в спорах редко удается что-то доказать, если это невозможно точно измерить. Впереди была родная Москва, мама, неизвестность и любимый, но очень дальний Восток.

Впереди была встреча с (любимой?) одноклассницей. Он уже привык обсуждать с девушкой важные события, советоваться и советовать, на пару подсмеиваться и возмущаться, чувствуя взаимопонимание и дружеский локоть. Хотелось бы чувствовать этот локоть и дальше, и не в письмах, которые будут идти значительно дольше, а рядом, теплый и

живой. И умную золотистую головку, и яркий задиристый взгляд серых глаз, и порядочность, и бескомпромиссность. Ну и такую спортивную, стильную, с хорошим вкусом во всем, с ее английским – с такой спутницей везде будешь чувствовать себя отлично, не стыдно и перед музыкальной московской родней. И лопнул внутри какой-то обруч, мешавший вдохнуть, и пришло понимание того, что период игр прошел, можно и нужно принимать решение на всю жизнь. Можно и нужно брать ответственность не только за себя, но и за любимую женщину. Если только согласится....

И вот вам сюжет из старинного романа: она сидит в красивом кресле, обитом гобеленом. Кресло вместе с диванчиком привез Павел из Германии после войны. Читает барышня английский роман у окна с видом на глазную больницу. Рядом с зеленым зимним садом, организованным Серафимой на необычайно широких подоконниках. Раздается звонок. Один. Еще один, не два подряд. Помните милую особенность коммуналок – звонки по количеству семей: Павлицевым – один, Кусакиным – два, Михайловым – четыре и т.д.? Инка, младшая, выбегает, и через пару минут старшая сестра слышит знакомый и давно ожидаемый баритон вперемишку с Инкиной стрекотней: «Ой это что, это кинжал? Кортик? Вот сюда вешайте шинель. Разувайтесь, а то мама будет ругать. Вот тапки. Ой, какие погоны золотые.. Проходите..». Вошел... Как там у Пушкина? «Бурмин побледнел и бросился к ее ногам...». Не бросился..., но побледнел вроде

бы.

Гуляли по улице Горького, по бульвару, заходили в кафе-мороженое, то самое, где папа накормил ее однажды до тошноты. Первый час неловкости и лопотания прошел, пара смеялась, делилась друг с другом подробностями событий, известных другому из писем. Говорили о будущем, об исполнении надежд и вдруг Виктор совершенно серьезно спросил, как она относится к поездке в Приморье, не хочет ли своими глазами посмотреть на дикие, но такие прекрасные места, не хочет ли продолжить дружбу, но на совершенно другом уровне. Не согласится ли она стать его женой. Неля не то чтобы опешила, нет, где-то глубоко внутри она ждала этого разговора, и боялась, но она не представляла, что он состоится в первый же день их очередной встречи. Как это вообще бывает у других? Ведь они не проводили рядом друг с другом долгое время, не знали обоюдных привычек, поцеловались-то всего несколько раз и все... Единственное, что она точно знала и могла для себя сформулировать: «Я не хочу его потерять!». Барышня не знала, любит ли, но совершенно не готова была отпустить.

– Ты подумай, я не тороплю. Мне нужно быть на службе в середине декабря. Посоветуйся с мамой, если хочешь, или с этой, тетей твоей, Катиней. Давай просто будем чаще видеться, пока я буду в Москве, и решай.

– А твоя мама что говорит? Она согласна?

– Конечно, ты ей нравишься. Я же вчера только приехал,

мы полночи проговорили, а когда проснулся, сразу к тебе поехал. Неся, если решишься, я тебя с ребятами Линде познакомлю и с тетками. И надо будет со свадьбой что-то решать, деньги у меня есть, подъемные заплатили ого-го сколько! Так что об этом не думай. Свадьбу надо до конца ноября отметить, а то позже никто из ребят не сможет приехать.

– Можно я подумаю?

– Да, конечно, хоссподи, твоя воля! А я о чем! Нелька, мы с тобой такие близкие теперь, никого ближе-то и нет. Я тебя всегда буду охранять и защищать. От всего. От любых невзгод. Ты будешь моя последняя линия обороны, и я стану сражаться за тебя со всем миром, если надо. Я любить тебя буду как никто другой. – И со смехом продолжил, – тут надо встать на колени и подарить букет. Могу только руку поцеловать, а букет набрать в сквере из листьев, если милиционер не арестует.

«Как же тебя арестуешь, такого красавца в шинели и с золотыми погонами!! Никто не посмеет», – и сама себе заметила, что подумала с чувством гордости собственницы.

Серафима, конечно, была в шоке от предложения руки и сердца. Мало того, что дочь собралась за еврея, так и уедет незнамо куда за кудыкины горы. А никто его не знает по-настоящему, подумаешь офицер и мама в Телеграфном агентстве работает! Надо с Павлом срочно поговорить, что он-то думает. И Катьке позвонить, пусть свою племянницу поспрашивает и уму-разуму научит. Семейный совет назначили на

следующее воскресенье, а пока Виктор встречал свою подружку после работы и под легкое улюлюканье пятиклассников уводил в кино, в театр или просто погулять. Заезжали на Сушевку, пили чай и Неля, поеживаясь, отвечала на осторожные вопросы Татьяны первой и на более прямые Татьяны второй. Ей нравились обе женщины, но пока она окончательно не определилась со статусом, очень стеснялась и нервничала. Катинечка поддержала любимую племянницу, Павел не возражал против брака и тем более против выезда из Москвы. «А как нынче карьеру строить? Ну-тка, послужи!» Он выразил желание скорее познакомиться с будущим зятем. И как хозяйственник сразу же перешел к вопросам организационным, выдал идею, что сестра Маша сошьет невесте красивое платье, а деньги на ткань он даст. Так что все практически смирились с тем, что аспирантура откладывается или отменяется, дочь уедет в далекие края и все это случится, если она сама захочет, если в этом и есть ее счастье. «Дальний Восток – край далекий, но нашенский», говорил почивший вождь мирового пролетариата, но сейчас там разворачивались непонятные события. Заканчивалась китайская война-революция, Председатель компартии Китая, Мао Цзэдун собирался в Москву с дружественным визитом, под звон литавр в начале ноября прибыл посол. Последние гоминьдановцы бежали на Тайвань, но подначиваемые американцами корейцы уже снова начинали какую-то возню. Страшно было отпускать любимую дочь в такую беспокойную даль,

куда пассажирский поезд идет две недели.

Когда все стороны пришли к заключению «чему быть – того не миновать», Неля с Виктором пошли в бюро ЗАГС подавать заявление. Темное неухоженное помещение, все столы рядом, и одновременно осуществляемая регистрация браков и смерти. Недобрая тетенька в мелких кудряшках, кутаясь в шаль, противным голосом сказала, что регистрация брака может быть назначена на воскресенье 27 ноября. Никакие объяснения и уговоры про отдаленное место службы действия не возымели. При заполнении анкеты Виктор спросил, что с будущей фамилией, Неля сдержанно ответила, что оставит свою. Он рассмеялся и подтвердил, что так и думал.

Поникшая Неля вышла на улицу, и Виктор сказал: «Лялька, родная, не расстраивайся, свадьбу отметим двадцатого, а зарегистрируемся, когда назначили. Что эта неделя решает? Ты, надеюсь, не передумаешь. А Куря с ребятами не могут приехать позже». Так и решили, стали готовиться к двадцатому ноября. Праздновать планировали на Горького у Се-рафимы, там могла разместиться куча народу и на большой кухне имелись четыре газовые плиты. Меню ожидалось по этому времени просто роскошное: с Симиными фирменными пирогами, Катининым тортом «Наполенон», икрой и крабами из буфета ТАССа. Шампанское достал Павел.

Тетка вывернулась наизнанку и добыла у кого-то из «балетных» розовый шелк на платье. Из него невесте сшили наряд с оборочками и пуговками, который она возненавидела и

за цвет, и за стиль. Девушка наша, всегда стесненная в средствах, растерялась и повелась на комплименты и советы мамы и тети на примерке. Теперь же она чувствовала себя не в своей тарелке все торжество, ей казалось, она похожа на противную розу с торта. Жениху в этом смысле больше повезло, он обожал свою форму, тужурки и кители ему шли необыкновенно, кортик решил не надевать, чтобы не мешал. Вообще-то у Виктора имелся небольшой гардероб папиных костюмов, но к ним не шли флотские ботинки и вообще форма очень красила и его, и его друзей. Друзья в количестве четырех прибыли из Питера на чьей-то папиной «Победе», общая подруга Туська была оповещена по телефону, взяла отпуск и тоже прикатила в родной город. Родители, две тетки и брат невесты, обе Татьяны, друзья, Линде и молодежь в лице Левки и Инночки – все поместились за составленными в одно целое столами. Свадьба удалась на славу!! Гуляли часов до двух ночи. Подарки тоже были отменными: синяя шелковая полосатая пижама жениху, семейные реликвии – старинные камешка на цепочке и драгоценное кольцо с эмалью, изумрудом и бриллиантом невесте, две синие хрустальные вазы для фруктов от семьи, сервиз Ленинградского фарфорового завода от однокашников. Молодые никогда не видели столько прекрасных вещей одновременно.

Отправив своих на Сушевку на машине с Павлом Николаевичем и убедившись, что ребят пристроят до утра у Сими на полу, Виктор по телефону пытался вызвать такси, но

Неля предложила пройтись пешком. Погода была холодная и сухая, и идти до Каляевской улицы возбужденной и радостной паре было только в радость. Подумаешь, часа полтора! Непривычно тихая, замерзшая и слегка посапывающая Москва будет потом долго вспоминаться этим двум теперь уже навек связанным людям.

В выделенной им комнате Неля стала осматриваться и занервничала. Воспитание в строгой пуританской семье с матерью, живущей в обнимку с разбитым счастьем, не подготовило ее ни к какому медовому месяцу или хотя бы дню. И тут герой ее романа снова пришел на выручку: «Слушай, ты есть хочешь? Я лично проголодался, а ты, по-моему, за столом совсем не ела». Он сбегал на кухню босиком, в брюках и майке, притащил кастрюльку с холодными котлетами, хлеб и соленый огурец. Какой же прекрасный был у них пир! А когда обнаружилась еще и бутылка сидра, это вообще стало каким-то невозможным и не чаянным удовольствием...

Через неделю наблюдательные прохожие могли заметить странную тройцу у входа в одно государственное учреждение, а именно в районный ЗАГС. Два офицера, по виду трезвые, один капитан в общевойсковой шинели с синим крестом на кокарде фуражки, другой военный моряк с еще не обмятыми золотыми погонами под ручки пытались затащить упирающуюся блондинку в зеленом драповом пальто и шляпке в двери означенной конторы. Златовласка отталкивала их, вырывалась из цепких объятий и, хохоча, в пол-

голоса поругивала кавалеров. Капитан бурчал про незаконных сожителей, лейтенант твердил: «Ляленька, Ляленька», что отвечала красотка никто так не услышал. Свидетельство о браке было выдано.

Капитан с лейтенантом вполне «закорешились» после того, как старший по званию объяснил младшему, что за Нельку он отвечает головой и даже жизнью, потом они вдвоем отправились на Северный вокзал в военную кассу за билетом на скорый поезд номер 4 «Москва – Владивосток», который шел быстрее, всего девять суток. После обмывания покупки в местном ресторане новые родственники долго искали точку «нулевого километра» Транссиба между третьим и четвертым перронами, пока не проветрились и не решили уйти оттуда добровольно, до того, как вызовут офицерский патруль. Вокзал был под пристальным контролем органов безопасности из-за прибытия китайской делегации к празднованию 70-летия Великого вождя всех народов товарища Сталина. Неля встречала мужа дома на Горького, где они жили последние дни его непривычно длинного отпуска. Отругала обоих, напоила чаем с остатками коньяка и простила тут же двух своих самых близких мужчин.

С мамой Таней и братом новоиспеченный подводник попрощался накануне отъезда, маму Симу и обретенную сестру поцеловал с утра и вместе с женой, испросившей на прощание замены уроков в школе, отправился в долгий путь к новому месту службы. Этим же поездом, но до Владика еха-

ли еще два однокурсника, так что дорога обещала быть не слишком скучной. Когда хвост поезда превратился в точку, Неля осознала, что без Вити краски жизни поблекнут, что муж уехал с ее сердцем в кармане и что ей срочно нужно догнать его и вернуть себе. Иначе как дышать теперь полной грудью? Она шла к метро, а из репродуктора неслось бодрое: «Зори московские, звенят-поют часы кремлевские, с добрым утром, земли и моря, Москва мояа».

В школе учительницу английского языка Нинель Павловну Павлищеву поздравили с законным браком и спросили, какая же теперь у нее фамилия, надо бы документы переоформить. И с большим удивлением узнали, что фамилию она не поменяла, значит в документах все в порядке. В эти дни школа, и вся страна самоабвенно готовились к великому дню, семидесятилетию Великого человека. Проводились собрания, концерты, выпускались стенгазеты, и все под неусыпным контролем партийных органов. Все хотели заслужить похвалу или хотя бы не провиниться. Наступила календарная зима, и погода давала о себе знать по полной. Неля с головой погрузилась в подготовку детского спектакля к празднику, и эгоистично радовалась, что у нее нет классного руководства, иначе она бы не справилась с обилием задач, поставленных перед учителями. Татьяна как-то позволила и пригласила невестку зайти в гости на обед, поболтать. Разговаривали о том о сем и оказалось, что свекровь беспокоит экипировка девушки. Татьяна боялась, что в Совгавани

холодные зимы и предложила обратиться к знакомому меховщику, сшить Неленьке шубку. А поскольку денег и меха было маловато, свекровь придумала разделить свою нынешнюю шубу на две. Редкую двухстороннюю шубу привез Матвей, когда работал в Союзпушнине. Сверху шоколадного цвета каракуль, внутри яркий огненно-рыжий жеребок. Меховщик зацокал языком, увидев такую драгоценность, «такого меха нынче днем с огнем», попросил недельку подумать и поколдовать, позвонил и сказал, что из жеребка получается прекрасный полушубок для стройной девушки, а воротник и шапку-кубанку к нему он сошьет из принесенной Татьяной шкурки золотистого каракуля.

Оставалось только дожидаться пропуска в пограничную зону и можно было выдвигаться. Витя писал, но письма шли долго, не содержали почти никакой информации и сводились в основном к тому, что занят по горло, любит, скучает, ждет встречи и велит беречь себя.

Виктор. Советская Гавань

Город Советская Гавань, куда был направлен Виктор, располагался на отрогах Сихотэ-Алиньского хребта на берегу Татарского пролива с глубокими изрезанными бухтами, в которых при необходимости можно было припрятать весь флот страны. Необыкновенной красоты скалистые берега с редкими песчаными пляжами покрыты были зарослями хвойных и лиственных деревьев и кустарников и во все времена года сияли разными красками: ярко-розовым багульником в мае, ржаво-рыжей хвоей в октябре, сочной зеленью летом и иссиня-белыми склонами зимой. Вода пролива была удивительно прозрачной и даже на больших глубинах можно было рассмотреть дно, даже сквозь лед. Эти потрясающие места были открыты сравнительно недавно, во второй половине прошедшего века и почти не использовались, поэтому их еще не успела изгадить наступающая и здесь цивилизация. Еще жили на берегах потомки исчезающего племени орочей, но начиная с двадцатых годов стали появляться переселенцы из других мест, в тайге вырастали лагеря для граждан страны, нуждающихся в силовом перевоспитании. А тридцатые показали, что без присмотра, без военного флота распоясавшиеся японцы и белокитайцы самовольно орудуют в советских территориальных водах. Надо было укреплять восточный фасад советского дома.

Изначально все бухты были названы в честь членов большой императорской семьи, но с установлением здесь новой власти они стали называться понятно: Постовая, Западная, Северная... Зимы в основном холодные, лето прохладное, с туманами, но в июле-августе можно ходить в легкой одежде и даже купаться – последнее уже на любителя. Ледовая обстановка в проливе была сложной три месяца в году, но год на год не приходится.

Сам город состоял из нескольких поселков, построенных в разных частях, по разным сторонам нескольких бухт, административно их вечно перетряхивали, но в период прибывания здесь нашей молодой семьи все выглядело именно так. Одни имели имена собственные, например, Заветы Ильича, Дэсна, Лососина, Майский, Монгохто, другие именовались в просторечье «старая сторона», «новая сторона», «шанхай», «подплав», «желдорбат» (ж/д батальон) и так далее. Передвижение между поселениями шло на катерах, чаще не по расписанию, а на попутных «как повезет». Дорог почти не было, работали в поселках, в которых и жили; в сам город, «на новую сторону» выбирались реже. Поселок Заветы Ильича, кроме собственно города, был самым престижным, в нем были стадион, школа, дом культуры, магазины, рынок, госпиталь, позднее даже драмтеатр. Жилые многоквартирные дома не только деревянные, но и каменные, хотя, конечно, как и везде преобладали личные строения с небольшими приусадебными участками. До войны здесь

организовали рыболовецкий колхоз из переселенцев Архангельской области, но за пару лет до приезда Виктора сам колхоз переместили на Камчатку. А теперь в Заветах жили семьи летного состава военных аэродромов и подводников, особенно те, у кого были дети школьного возраста, так как из подплава ходить им было далековато и не всегда возможно из-за погоды. В бухте Постовой недалеко от воинской части на высокой горке тоже стояли жилые деревянные двухэтажные дома с печным отоплением, с сараями, уличными туалетами, колонкой для воды и большим ларьком, именуемым магазином. В эти царские условия Виктор надеялся в скором времени поселить свою любимую жену.

Его самого разместили в офицерском общежитии, тоже деревянном, но все-таки разделенном на комнаты по несколько кроватей с тумбочками, кое-где даже со шкафами. В общежитии селилась холостая флотская молодежь, поэтому выспаться удавалось далеко не всегда. Иногда из какой-нибудь комнаты по ночам могло раздаваться тихое нестройное хоровое пение: «Совгавань, мояаа Совгавааань, ты нашему сердцу милааа. Люблю твои сопки, люблю твою гавань, люблю твои будни делааа». В уголке общего кубрика стояла плитка, можно было вскипятить чайник, но печенье, сухари, сахар и заварка улетучивались со страшной военно-морской скоростью. Поскольку общежитие было не матросским, порядок в нем соблюдался от случая к случаю, и, если на спинках кроватей сохли чьи-то трусы или носки,

это, наоборот, говорило только о чистоплюйстве их владельца. Дикая хохота вызвала чья-то фраза, что проверку носков на свежесть можно проводить броском в стенку – прилипнут или нет. Между собой офицеры, в основном лейтенанты, называли его «Чудильник», веселились от души, но больше года никто не хотел там находиться, мечтали о собственных углах. Неженатые планировали в грядущих отпусках найти себе пару, женатые ждали появления своих не очень спешащих красавиц, чтобы написать рапорт командиру базы и получить заветные деревянные метры с нехитрой мебелью и пусть уличными, но удобствами. А вдруг очень повезет – комнату дадут в Заветах, может и не с уличными!

Служба взяла в оборот сразу. Виктора назначили командиром БЧ-5 на подлодку типа «Малютка» третьей бригады подводных лодок. С этими лодками Виктор был знаком не понаслышке. Вспомнить только их с Коктейлюком «приключение» на Черном море, стажировку в Заполярье, основную часть дипломной работы, где он досконально описал работу доверенного ему теперь сердца корабля. Командир лодки капитан третьего ранга Дмитриев был опытным и серьезным командиром. После официального представления в штабе он прошел вместе с лейтенантом на пирс, показал лодку снаружи и изнутри, познакомил с матросами, которые несли вахту, и оставил одного для дальнейшего ознакомления и изучения конкретной матчасти. Дни полетели один за другим, зимой залив замерзал, но к марту все надеялись выйти в мо-

ре. Слова «в море» были самыми употребляемыми для описания жизни семей: «Папа где? – В море», «Ты куда завтра? – В море», «Эта.... сбежала, пока я был в море». Все крутилось вокруг этого «слова и дела».

Как показывала жизнь, постоянная профилактика системы жизнеобеспечения, дизелей и прочей электромеханической начинки была просто необходима, Виктор торчал на лодке от подъема флага до позднего вечера, заставляя подчиненных «прокачивать» каждую детальку и каждый сантиметр проводов и трубопроводов. На лодке быстренько провели комсомольское собрание и избрали его секретарем комсомольской организации, так как предыдущий уволился в запас еще в октябре. Пришлось дополнительно заниматься политическим воспитанием, проводить политинформации и летучки. Матросы, узнав, что он москвич, попросили выступить с рассказом о столице, приурочив его выступление к политической ситуации, визиту китайской делегации и празднованию юбилея великого Сталина. Тут, кстати, пригодилась статья, которую они с Нелей обсуждали в Москве, в ней цитировалась речь премьер-министра Великобритании Черчилля, где он называл советского руководителя выдающейся личностью и приводил свои не всегда понятные аргументы. Эту статью Виктору тоже припомнят через несколько лет. А пока он гонялся за своим новым приятелем командиром БЧ-4 Сашкой Сухаревым, чтобы стрясти в полном объеме комсомольские взносы, побывал даже у него в гостях, позна-

комился с женой Валентиной, типичной представительницей Мраморного. Веселая игривая Валюша начала при муже кокетничать с гостем, строила глазки, интересовалась, когда приедет жена и приглашала приходить чаще и без церемоний. Она как-то по-своему поняла открытость и доброжелательность Виктора и клюнула на его карие глаза, обычно сияющие огоньками вне зависимости от внешних погодных условий. «Как лампочки, – скажет дочка другого его приятеля и еще похвалит – дядя Витя, какие у тебя волосы красивые. Жесткие-жесткие, как у собаки!».

Новый год он встречал в качестве оперативного дежурного по штабу бригады. Виктор совершенно не расстроился, так как понимал, что только что прибывший, не обремененный семьей лейтенант прекрасно может провести праздничную ночь в строю. Ему выдали сине-бело-синюю повязку, табельное оружие и практически новые тулуп и валенки «на всякий пожарный случай». Он запасся бутербродом и шкаликом коньячка, если все будет тип-топ. Можно сказать, что Витя даже рад был распоряжению, так как на законных основаниях мог, ни у кого не прося, позвонить в Москву и поздравить любимую с наступающим Новым годом, уже наступившим у него.

Москва ответила радостным визгом, перемешанным с плачем. Во-первых, она, Москва, не ожидала звонка и грустила без мужа безмерно, во-вторых, ей все-таки навязали классное руководство, а она, Москва, боится, в – третьих,

дядя Петя так болеет, что не может писать, в-четвертых, она сдала справку-вызов в военкомат, а ответа еще нет. Ну и так далее. Праздник Павлищевы встречают дома, теща на кухне с пирогами, Рэм и Катиня с Маришкой приедут вечером позже. Татьяна Абрамовна приехать не сможет, Левка болеет, они будут дома вчетвером с Татьянушкой и Ларочкой. Ой, еще папа передал коробку антоновки, так что пусть муж ждет посылку. Все это Неля выдала почти на одном дыхании, так как перемалывала все это в голове, мысленно уже ему рассказывала и ждала комментариев. А потом она не знала, сколько у нее времени будет на разговор, он же на дежурстве, вдруг связь прервется. И так чудо какое произошло!

Пришлось объяснять, что вопрос о пропуске в погранзону решается не совсем в военкомате, а еще и в соответствующих органах. Иногда туда даже вызывают на беседу, но он надеется, что с такими родителями и биографией у Нели все будет хорошо. Сейчас ехать к нему и не стоит, комнату обещают к лету, места здесь такие, что лучше знакомиться с ними в теплое время года, как только начнутся школьные каникулы. И не подведет она никого, и классом будет руководить прекрасно, пусть отведет для начала на каток, а там, глядишь, и подружатся. Они проговорили минут пятнадцать, и Витя распрощался, чтобы еще успеть связаться с мамой и братом. В эту волшебную ночь происшествий не случилось, а он смог поздравить нескольких близких людей и через них уже передал поздравления следующему кругу знакомых.

Первое января в 1950 году приходилось на воскресенье и это было замечательно! После дежурства он зашел переодеться в чудильник, где практически никого не было, только из соседнего отсека раздавался мощный храп капитана-лейтенанта Прокопенко, было холодно из-за приоткрытой форточки, но зато не очень воняло перегаром. Виктору позвонил Сашка Сухарев и позвал на доедалки-допивалки к общим приятелям, живущим в соседнем доме. «Поскольку ты бессемейный, возьми бутылку и купи по дороге банку огурцов и хлеба. Приходи, будет человек десять». Переодевшись в гражданку, Витя отправился на банкет. Компания и вправду оказалась отличной. Четыре семейных пары и три мужичка-холостячка, включая Виктора. Со всеми мужчинами он был знаком, с Вале́й недавно познакомился, Олег был тоже БЧ-5, но со «щуки», а нечетный одиннадцатый Яша Аронович, штурман оттуда же, стал для Виктора другом-приятелем на много лет.

Этот веселый пройдошливый старлей всегда был центром внимания. Он травил анекдоты, говорил тосты, напевал, заводил патефон, и все делал одновременно и громко. Хохот раздавался на всю лестничную площадку, куда выходили покурить. «Ну так вот, продолжаю: после войны решали, что делать с германским флотом, Наш говорит «поделить», Черчилль «утопить», а Наш «вот вы свою половину и топите!». Когда еле передвигающегося Мишу Агапова жена, прибыв, потащила в соседнюю комнату, где они и жили, Яшка

пропел: «Мишка, Мишка, где твоя улыбка, полная задора и огняааа, самая нелепая ошибка, Мишка, то, что ты уходишь от меняааа». Но при всей его немножко клоунской манере общения, Аронович был грамотным высококлассным штурманом, начитанным и думающим человеком. Он совершенно очевидно происходил из культурного слоя советской профессуры, но про семью не распространялся. Слыл женским угодником и знатоком женских сердец и при этом жениться не собирался. Ходили слухи о его прошлом романе с красивой медсестрой, которую он за свой счет по непонятной причине однажды отправил в Ленинград, где его мама была довольно известным врачом. На обратном пути девушка «нечаянно» оказалась в одном купе с морскими офицерами и по прибытии во Владивосток быстро вышла замуж за одного из них. Ну чем не женский угодник!

Яшкины таланты открывались Виктору постепенно, но ярко, и он периодически с восхищением смотрел на старшего друга. Тот, кстати, объяснил младшему товарищу, что слово «кореш», милое курсантскому уху, пришло из иврита и означает «царь Кир», известный тем, что позволил евреям вернуться на землю Обетованную, дал много свобод и стал символом дружелюбия. Он симпатизировал Вите еще и потому, что тот тоже предпочитал коньяк водке, но выпить спиртяшки не отказывался. Трудно на флоте слыть гурманом, но старлей Аронович умудрялся! В отличие от Вити Яша ненавидел физкультуру и спорт, а наоборот любил

вкусно поесть и выпить, казалось его щеки лопнут, если в них ткнуть пальцем. Он любил побродить по китайской части рынка в Заветах и принести в свою уютно обустроенную комнату новую диковину или отправить маме посылочку с шелковыми покрывалами, зонтиком и крабовыми консервами. Жил он один, но не в общежитии, а получил законно причитающееся жилье после полугода службы, в качестве поощрения за выполнение боевой задачи, тем более в этот момент очереди из семейных в Поставой не было. Гостей к себе обычно не приглашал, но для Вити и Нели делал исключение. Их знакомство продлится на десятилетия, совместная служба года на четыре, а в середине семидесятых капитан первого ранга Аронович исполнит свою тайную мечту и уедет из страны.

Море очистилось от сплошного льда в марте, как и предполагали. Начались одиночные и групповые отработки задач, многодневное патрулирование в океане и контрольные стрельбы. Командир был очень доволен результатами Виктора, электромеханическая часть работала четко и без проблем, «с полпинка» выполнялись команды и в надводном, и в подводном положении. Виктор даже слегка успокоился, почувствовал себя спецом, но был постоянно на стороже, так как опыт он только набирал, а неприятности на других лодках заставляли постоянно «держат форму» и все перепроверять неоднократно. В апреле лейтенант прошел обучение на курсах офицеров-водолазов, несколько раз спускался на

глубину в скафандрах разного типа, учился выполнять там ремонтные работы и оказывать посильную медицинскую помощь. Получил удостоверение и очередную благодарность от командира.

От Нели приходили отчаянные письма, военкомат многозначительно молчал, пропуск не выдавали. Она предупредила директрису, что после окончания учебного года уволится и поедет к мужу, та явно огорчилась, молодая учительница ей импонировала. Когда Неле не ответили в третий раз, она с помощью отца раздобыла телефон помощника высокого военного начальника и, откуда только взялся боевой дух, записалась на прием по личному вопросу. «Старые связи не ржавеют», сказал папа, позвонив своему боевому другу, знакомому еще по Сталинграду, и служившему в аппарате МГБ. Тот тоже позвонил «куда надо», и заветная дверка приоткрылась. В назначенный день и час собранная деловая молодая учительница в строгом сером костюме и красивой блузке стояла на пороге приемной начальника Управления кадров ВМФ СССР. Адьютант проводил ее к мощным как в средневековый замок дверям. Девушка поздоровалась, присела и произнесла заготовленную патетическую речь об охране границ, о дальних гарнизонах и москвичах, уехавших по зову сердца в далекие края. Голос ее звенел и срывался, добавленная в конце слезинка поставила восклицательный знак в конце просьбы пустить ее к мужу поскорее. Адмирал вызвал адъютанта, поручил ему решить вопрос в течение двух дней

и проводить барышню на выход. Внизу в гардеробе она взяла пальто, вышла на Арбат и вдохнула пахнувший бензином и весной воздух. Приглашения в райотдел МГБ не последовало, через несколько дней ей выдали нужный пропуск и выписали проездные документы для военной кассы. Осталось подождать всего полтора месяца!

На Дальнем Востоке между тем нарастало напряжение, СССР срочно укреплял свою материально-техническую базу. Усиление решили осуществлять за счет подводного флота, туда распределяли строящиеся корабли и капитально ремонтировали действующие. Об одном корабле, ставшим в последствии достаточно известным в узких кругах, хочется рассказать. Подводная лодка, урожденная в 30-е годы «щука» по имени «Макрель», переименованная в соответствии с новой классификацией, тоже базировалась в Совгавани, главной базе флота. Когда ее первый командир еще до войны выполнял на ней уникальный проход подо льдами, его должны были арестовать по доносу, но он, сдав дела, быстренько отправился в Испанию. Воевал на испанской подводной лодке и на ней перед войной осуществил переход в Кронштадт с золотым запасом Испанской республики. Во время похода подавил бунт испанских матросов, застрелил лично четверых, золото доставил и был удостоен звания Героя Советского Союза первым из подводников. Потом субмарину принял под командование другой знаменитый командир, прошел на ней рекордную по срокам автономку, но в войну лодка не

использовалась, и в самом конце сороковых ее обследовали и приговорили к капитальному ремонту. Виктор тоже был в группе экспертов, и на минуту даже захотел, чтобы его назначили на этот корабль, но предстоящий длительный капитальный душ не грел. Господь отвел, как говорится.

Обстановка накалялась с обеих сторон Тихого океана, Штаты активно стали укреплять свои военно-морские базы на западном побережье, свой Седьмой флот и особенно Сан-Диего. Там сосредоточились два авианосца, в том числе знаменитый «Мидуэй», крейсера, эсминцы, штурмовые десантные корабли, противоминные и боевые прибрежные катера. Подписанный в сорок девятом году договор о создании Северо-Атлантического Альянса развязал Америке руки в Европе и позволил сосредоточиться на возрождении мощи на Тихом океане. Разделенная после Второй мировой войны на две части по 38 параллели Корея, северная часть которой оказалась под патронатом СССР, а южная под патронатом США, бурлила и хотела слиться в единое целое. Только чей покровитель окажется сильнее? У государств, оправляющихся от борьбы с фашизмом, снова чесались руки сойтись в очередной схватке, и хоть военное присутствие двух мировых гигантов в Корее официально было прекращено, политическая ситуация оставалась напряженной.

Неля. Совгавань

Мамы стали готовить молодую «декабристку» к отъезду. Решено было набить необходимым домашним скарбом знаменитый американский сундук и отправить его багажом «малой скоростью». Везти предстояло практически все, зимнюю одежду, постельные принадлежности, посуду, так как Витя, пройдя по местным магазинам убедился, что на месте они смогут купить только керогаз, фаянсовые и эмалированные кружки и столовые приборы, и то за всем этим тоже предстояло охотиться. Правда китайский рынок предлагал еще ведра и тазы, ну и шелковые покрывала, последние очень дорого. Казенная мебель в комнатах есть, матрас и подушки можно будет получить в части. Комнату ему выделили, семи-метровую, в трехкомнатной квартире на втором этаже деревянного дома, удобства на улице и свой сарайчик за домом. Комнату сейчас занимала семья с ребенком, но к июню, к приезду жены, обещали освободить. В это же время искуситель Яшка предложил Виктору прикупить мотоцикл ИЖ-9 у знакомого летчика из Май-Гатки, тот переводился в другую часть и не хотел тащить с собой своего любимца. Отдавал недорого, за полцены. Друзья осмотрели машину, она была в прекрасном состоянии. «Жену покатаешь, все красоты ей покажешь. В часть будешь ездить как король, до Заветов и Желдорбата рукой подать. Сам бы купил, но ненавижу ко-

паться в технике, а ты механик», и денег обещал одолжить с рассрочкой на полгода. Так, еще не дождавшись благоверной, Виктор оказался в долгу как в шелку. Он объездил зверя в течение одного выходного, права в лесу никто не спрашивал, да и получить их было несложно, уже в конце мая заветный кусочек серого картона был на руках.

В первой декаде июня Неля забрала документы из школы, купила в военной кассе билет на скорый поезд до Хабаровска. Состав шел мимо всех больших городов, через которые проходила Транссибирская магистраль, с часовыми стоянками в них. Это была единственная дорога через всю страну, проложенная еще при царизме. С чемоданами опять выручила свекровь: два прекрасных коричневых кожаных, а главное больших, чемодана Рэм с трудом дотащил от такси до вагона, они будут переезжать с места на место еще не один десяток лет.

Со старшим и младшим поколениями отважная путешественница простилась накануне и шагнула в неизвестность, которая ожидала ее всего в каких-то семи с половиной тысячах километров! В купе кроме нее было еще два пассажира: один командировочный до Омска, вторая – бабуля до Иркутска, ехала к внуку. Все перезнакомились в первые полчаса, а потом сели пить чай, любезно предложенный проводником. Тут очень кстати оказались Серафимины пирожки! Мама собрала целую сумку еды, с привычными для советских пассажиров крутыми яйцами, картошкой в мундире, бутерброда-

ми с твердой колбасой, сыром и даже отварной курицей, которую надо было съесть в первые два дня, чтобы не испортилась. Купе в середине вагона было удобно, так как в тамбурах у туалетов собралась целая толпа гомонящих молодых людей с папиросами. «Геологи, – заметил сосед, – едут до Новосибирска. Симпатичные ребята, только больно горластые... и с гитарой, если к ним еще друзья из соседнего вагона придут, не поспишь». Соседний вагон был плацкартным и его добрую половину занимали студенты, ехавшие на летнюю практику. Их преподаватели-то как раз и располагались в купе в этом вагоне. Правда преподавателей от студентов трудно было отличить, все молодые и симпатичные, только руководитель практики был уже в годах, лет за сорок и не такой громкоголосый.

Остановок было очень много, и не только в крупных городах. Неля с удовольствием смотрела в окно, где леса сменялись реками, долины – густыми зарослями, глубокими оврагами, потом отвесными скалами. На небольших станциях покупали отварную картошку, соленые огурцы, блины и оладушки, даже молоко. Продавали еще вязаные шали, платки и варежки, Неля купила две пары отличных теплых носков себе и мужу. Вообще дорога была не утомительной, она читала, познакомилась с геологами, пила с ними чай и слушала их песни под гитару, получила два приглашения сойти с поезда, наплевать на мужа и ехать с ними в экспедицию. Публика в вагоне постоянно менялась, но человек пятнадцать

следовали до конца, перезнакомились, привыкли друг к другу, разговаривали, пили вместе чай и ходили группами обедать в вагон-ресторан. Байкал проезжали практически ночью, на границе света и тьмы, поэтому Неле не удалось его разглядеть как следует, о чем она очень сожалела. Зато к Сихотэ-Алиньскому перевалу, где был возведен огромный бюст Сталина, должны были попасть днем. В районе станции Амазар на скале над одноименной рекой была установлена скульптура из скальных пород, кирпича и бетона высотой почти двести метров. Поезд всегда замедлял ход и по трансляции пассажиров предупреждали о том, что из окон они могут полюбоваться этой потрясающей достопримечательностью. Говорят, ночью образ вождя подсвечивали прожекторами, рассказывали какие-то легенды об авторах. Однако практически всех при взгляде на монумент охватывало чувство подавленности, а не гордости. Никто не комментировал увиденное и ахи-охи быстро смолкали.

Дальше ощущение конца пути, нереальности происходящего, тревога что могут не встретить и что тогда делать? Музыка в репродукторах «...разгромили ваевоод и на Тихом океане свой закооончили пахооод», в окошке среди толпы радостно-растерянный Витя со странным розовато-лиловым букетом, похожим на веселую метлу. Оставили багаж в камере хранения, вышли в город погулять, пообедали, зашли в универмаг. Поезд из Хабаровска в Советскую Гавань ходил через Кузнецкий перевал ночами, чтобы пассажиры не

пугались высоты и скальных обрывов на отдельных участках дороги. Строили ее заключенные, они же и умирали десятками вдоль рельсов. Совгавань в послевоенный период стала одной из «столиц» Дальлага.

И для Нели в этой незнакомой, а потому немножко пугающей дали должна начаться совершенно незнакомая жизнь в новом статусе, в новых природных и погодных условиях, с новым окружением. Правда, начинается она, как оказалось, еще более неожиданно. Смущенный муж объяснил, что семья, которая должна была освободить их комнату неделю назад, неожиданно в ней застряла еще на какой-то срок. Ну не выгонять же людей с маленьким ребенком на улицу! Спать можно на матрасе на полу, а через несколько дней «жильцы» уедут. «А и правда! – решила молодая жена – Не беда, переживем.» Ночью со стола, где спал ребенок с забитым зеленым содержимым носом, почти над головой у москвички каждые несколько минут раздавалось пронзительное «Кхааа», малыш так дышал. Сна как не бывало. Утром Виктор убежал на службу, успев познакомить жену с соседкой Калерией. Та накормила Нелю кашей, напоила чаем и пошла показывать ей хозяйство и «удобства», одолжила ведро на первое время таскать воду из колонки. Опережая события заметим, что Калерия и ее муж Нинел (вот совпадение!) станут добрыми друзьями семьи на весь дальневосточный период жизни. Когда Виктор с тревожными глазами заскочил в обед на страшном черном звере, чтобы понять, как моло-

дая супруга восприняла его новый мир, не выносит ли уже нераспакованные чемоданы из дома, он узрел, что новые со-седки, мило чирикавая, обустроивают им спальню в сарае. По-года замечательная, тепло, куры квохчут тихо и успокаиваю-ще, толстенный лист фанеры на низких козлах застелен оде-ялом и сам сарай приведен в относительный порядок. Неде-лю можно продержаться! Принятие женой сложившейся си-туации без слез, упреков и истерики, а с юмором (в туалет ближе бегать!) и конструктивно, привело Виктора в состоя-ние безмерной радости, облегчения и благодарности. «Ляль-ка, девочка моя, доченька – умиленно шептал он ей на ухо – какая же ты у меня замечательная. Я очень тебя люблю». Эти отношения ровесников по принципу «защитник-папа – умница доченька» закрепились у пары на все предстоящие годы, как и обращение «Неся, Кнопка, Лялька, Дочка». Неля на ходу училась выстраивать их семейные отношения. По-купка мотоцикла в долг слегка огорошила девушку, но у нее не было опыта совместного решения финансовых вопросов в семье, поэтому она ни слова в упрек не сказала. И придумала ему новое прозвище Кутюша. Когда он положил голо-ву ей на колени, она погладила его по шевелюре, вспомнила девочкино «как у собаки», расхохоталась и стала дразнить, как щенка: «Куутя, куутенька, кутюууша».

Жизнь и быт налаживались. Виктор днями пропадал на службе, но по воскресеньям все свое время посвящал лю-бимой. Возил ее по окрестностям, на мыс Маячный, в бух-

ту Силуан с отличной рыбалкой, показал заросший кустарником памятник погибшим от цинги морякам фрегата Паллада, который затопили практически под окнами их дома в бухте Постовой. С крутого берега место затопления хорошо просматривалось. Они ездили на китайский рынок в Заветах Ильича, он показал ей застроенный частными домиками местный «шанхай», где можно было договориться и покупать молоко, творог и яйца. «А зимой молоко могут приносить прямо домой в замороженных кругах в обмен на мясные консервы, а то рыбные тут не берут!» Вообще о фрегате Паллада, увековеченном Гончаровым, говорили много, и о том, что первым его капитаном был будущий адмирал Нахимов, и о том, что надо бы спустить в место затопления водолазов, там может быть что-то интересное, да и сам Виктор, получивший допуск на погружения, был готов туда нырнуть.

Пока же после выходов в море он таскал любимой маленькие шоколадки, которые не съедал, а прятал по карманам, зная какое удовольствие ей доставит, и еще из деликатесов «притаранивал» тараньку, но Неля редко на нее покушалась, а пиво с воблой вообще не любила. Пайки, выдаваемые раз в месяц для семей офицеров, были достаточно однообразными и скучными, хлеб пекли на базе, и мужья раз в неделю приходили домой с буханками под мышкой. Неля училась готовить по «Книге о вкусной и здоровой пище», подаренной братом на свадьбу, но у нее был незавидный выбор продуктов. Однажды она чуть не отравила любимого мужа, сварив

суп из консервов с лососем и оставив его на плите сбоку, где он томился пару часов. Хорошо, что Каля заметила и заставила вылить. В поселке все знали о печальном исходе обеда таким настоявшимся супом пару лет назад.

В конце июля на стадионе в Заветах Ильича должна была состояться военная спартакиада. Начальник политотдела поинтересовался у Виктора, не сможет ли его жена выступить за подплав в составе женской сборной, и прямо засиял, когда узнал, что супруга вообще-то спортсменка и будет рада поучаствовать. Она была действительно очень рада и воодушевлена. Неле не нравилась обычная жизнь офицерской жены с пустыми разговорами, кастрюлями, детьми, посиделками на лавочке и сплетнями: кто лучше торт испечет, у кого мужик не просыхает и как с этим бороться, кто к кому шагает и кто кому дорогу переходит. Многие жены кроме семьи и сплетен ничем не интересовались, с ними было скучно. Обустроив комнату, прочитав все книги у соседей и в маленькой библиотеке части, она томилась и не знала, чем себя занять. Однажды устроила игру в мяч об стенку в их комнатухе, расколотила две свадебных вазы, еще раз ударила мячиком в стенку из озорства— разбила блюдо и, наконец, успокоилась. Надо было подумать, где найти работу. Может быть в школе в «колхозе», но туда далековато каждый день ходить. Предложение начпо означало новый, более интересный этап ее нынешней жизни. Она стала тренироваться в лесу, на сопках, на спортплощадке бригады и несколько раз вы-

езжала на стадион вместе с командой и физруком. Неля Зданович-Павлищева записалась участником во все виды соревнований по легкой атлетике, кроме толкания ядра, спортивной гимнастике и волейболу. Виктор должен был выступать в команде по боксу, а остальные виды прикрывали собой матросы и несколько мастеров спорта из молодых офицеров. Зато он собирался во все горло болеть за жену. Женская сборная выступила хорошо, завоевала несколько грамот и добавила свои очки в копилку счета между подразделениями. Начпо лично поблагодарил молодую женщину и в беседе с ней выяснил, что она профессиональный преподаватель и переводчик. Он задал несколько незначительных вопросов про ее семью, и пообещал продолжить разговор позднее. Таким образом осенью после серьезной проверки она была принята вольнонаемной в отдел морской разведки Седьмого флота СССР. Сбылась мечта: она вышла на работу, причем на удивление по специальности. Это было осознанной необходимостью для души, хорошим подспорьем в семейный бюджет, расширяло круг общения и подпитывало чувство собственного достоинства.

Отдел располагался совсем недалеко, практически рядом с базой подводных лодок, полчаса пешком от дома. Правда эти тридцать минут в холодные ветреные зимы были опасными. «Прибежишь домой в капрончике, постучишь коленкой о коленку, звенят», – вспоминала Неля позднее. Шубка, привезенная из Москвы, закрывала тело до середины бедер,

модная юбка едва прикрывала колени, ботиночки выше щиколотки валенок не заменяли. Конечно, где уж московской моднице надеть что-то потеплее, рейтузы – позор пожилых и бабулек, брюки не принято. У Нели была парочка сатиновых для езды на велосипеде и на мотоцикле с мужем, и то молодые старушки у подъезда смотрели косо.

Первый день работы она вспоминала со смехом. Начальник отдела капитан третьего ранга Белых встретил приветливо, даже с радостью – образование новой сотрудницы было выше всяких похвал. Он объяснил, что кроме ежедневных занятий языком в группах разного уровня подготовки, ей предстоит «расшифровывать» записи слухачей, матросов, круглосуточно сидящих в наушниках, слушающих в открытом эфире переговоры американцев. Позднее, когда опыта наберется, ее тоже будут подключать к прослушке. Пока же на ее стол легла кипа листочков с каракулями, которые нужно было попытаться перевести на понятный русский, так как часто русскими буквами писали английские слова, пойманные на слух.

«Они нас тоже слушают. – улыбаясь сказал Белых – Мы командиров отдельных кораблей по именам знаем, как, по видимому, и они наших, но по фамилиям. Мы не фамильярничаем». Неле выделили письменный стол с печатной машинкой, сказали, что обедать может ходить домой и оставили одну. На обед она не пошла, сидела почти до конца рабочего дня, пока не поняла, что не спросила, где находится

туалет для сотрудниц. Девушка выглянула в коридор, никого не было, прошла в оба конца и тоже не нашла ничего похожего на желанное помещение. Выглянула в окно, увидела похожий на туалет домик, но туда направлялись исключительно лица мужского пола. Делать было нечего, она заперла дверь, взяла металлический подстаканник для карандашей – гильзу от снаряда, а потом аккуратненько опрокинула ее в печку, на душе стало легче. И тут же в дверь постучали...

Через неделю Белых поблагодарил нового сотрудника за отличное качество переданных ему документов. «Давайте попробуем дать Вам послушать разговор, там длинная беседа между кораблем и берегом», ее быстро провели в соседний зал, где за приборами сидели несколько моряков в наушниках и каждый слушал свое. Неля надела наушники и шепотом стала переводить беседу некоего Джона с приятелем Митчелом о том, как они в выходные встретятся в баре «Джой» и пойдут клеить девчонок. Она недоумевала, а Белых понимающе кивнул, а позднее объяснил, что теперь они знают, что линкор «Айова» уходит с боевого дежурства на базу и будет там через три дня. Неле самой стало интересно, и она пожалела, что не может поделиться этим интересным с мужем, так как подписка о неразглашении распространялась абсолютно на все, даже на разговоры с коллегами. К сожалению, с учебной работой обстояло не так радостно, моряки не справлялись с ее заданиями. Все происходило практически так же, как в рассказах мужа про «чапай

воз швыминг». Она стала придумывать, как заинтересовать и стимулировать слушателей, сослуживцы с удовольствием общались с молодой, толковой и доброжелательной учительницей, но как только дело доходило до обучения...

Дни стали бежать стремительней. В выходные зимой они гуляли, из части Виктор принес две пары деревянных лыж с кожаными ремешками. Окружающая природа с прекрасной лыжней среди вековых сосен восторгала, солнечные холодные дни как-то особенно бодрили. Яшка, улетавший в отпуск в Ленинград, обещал привезти модные металлические крепления, «роттофеллы» – наконец открылось постоянное авиасообщение с Европой, самолет летел до Москвы с шестью посадками длительностью около двух часов каждая. Это занимало в шесть раз меньше времени, всего-то около пятидесяти часов. Стоимость билетов оказалась многим не по карману, что Яшку совсем не смущало. Новый год он планировал провести с любимой мамой в любимом городе.

Все офицеры должны были сдать лыжный норматив, и никто не хотел опозориться, поэтому многие устраивали себе воскресные пробежки с последующим «сугревом спиртяшкой» в обед, жены в большинстве своем это удовольствие игнорировали. Кроме воскресных лыжных прогулок у всех почти хронически были заняты субботние вечера, когда семья ходила друг к другу в гости, жены могли похвастаться обновками и кулинарными изысками, послушать пластинки, а мужа расслабиться и выпить. На танцы в соседние посел-

ки ездили редко, а в подъездах музыка звучала по субботам практически до глубокой ночи. Детей обычно оставляли на кого-то одного по очереди. Все они были в основном дошкольного возраста, школьников мало, семьи с подростками детьми чаще перебирались из «подплава» в «колхоз».

Семья Здановичей прямо выделялась своей привязанностью к спорту среди остальных жителей бухты Постовой. Однажды Виктора попросили постоять в воротах на игре в русский хоккей вместо заболевшего вратаря. Тот с энтузиазмом встал в ворота, а потом всю жизнь рассказывал, откуда взялся шрам на нижней губе: «...пробую языком, что это у меня во рту появилось, а это... конек», слушатели рыдали от смеха, и добавлял, что одна болельщица громко кричала: «Вратаря на мыло!», а потом чуть не грохнулась в обморок при виде алевшей на снегу крови.

Начпо опять заручился согласием Нели Зданович на участие в лыжных соревнованиях в феврале, но после празднования Нового 1951-го года она поняла, что ждет ребенка. Сначала подумала, что траванулась за праздничным столом, и Виктор предложил ей проверенный способ – марганцовку и два пальца в рот, от которого жена отказалась и просто приняла активированный уголь, как учила мама. Потом немножко подумала и записалась к врачу в военный госпиталь. Виктор был вне себя от радости, а сама «больная» загрустила: как же соревнования, работа, и вообще она еще не готова, мама далеко, помочь некому. Но делать-то нечего,

как говорится. Только вот совершенно не вовремя. Поговорила с начальником отдела, предупредила, что будет работать до конца июня, а потом придется сделать перерыв примерно на полгода. Тот почесал голову, слегка опечалился, но и не удивился. Договорились, что очередной отпуск она оформит после декретного.

Виктор трудился «денно и ночью», лодка весной опять отличилась и офицерский состав был награжден ценными подарками, а матросы почетными грамотами, двоим даже предоставили внеочередной отпуск на родину. Виктор получил карманные часы с гравировкой «За безупречную службу», которые носить было неудобно и непривычно, они так и остались в коробочке. А еще его перевели механиком на среднюю лодку, что было приятно и означало некоторый карьерный рост. Ему даже позволили взять с собой пару подчиненных. Напряжение на службе усиливалось, походы в море стали систематическими. Даже не сказать, где чаще был наш лейтенант, на берегу или в морях-океанах.

Неля вместе с приятельницами в выходные дни готовила приданое для новорожденного. Она спрашивала себя, кого ей хочется, мальчика или девочку, и не находила ответа. Калерия, обделенная здоровьем и детишками, с энтузиазмом помогала соседке покупать фланель и бязь, обрабатывать края пеленкам и шить распашонки. Одежда обещали прислать будущие бабушки, так же, как и шапочки, чепчики, соски и прочую необходимую мелочь. Неля купила на

рынке в Заветах чудесный шелковый коврик с шестью котятами, стоящими на задних лапках за забором, у одного котенка были красные заплаканные глазки. Трогательная компания разместилась над металлической кроваткой, найденной в соседнем доме. Неля сама освежила на ней краску, за что получила выговор («была порота на конюшне») от любимого мужа, который рассердился, что она рисковала своим здоровьем и нюхала ненужную химию. Детские одеяла тоже нашлись на рынке, и Москва получила отбой. Будущая мама чувствовала себя прекрасно, и шутя сожалела, что не записалась в это лето на соревнования.

Корейская война продолжалась. Советский Союз на весь мир сообщал, что не участвует в этой безобразной кровавой бойне, развязавшейся у его восточных границ. Однако вместе с Китайской народной республикой всюю поддерживал руководство северной части страны во главе с Ким Ир Сеном не только финансово, но и материально-техническими и даже людскими ресурсами. Тихоокеанский флот не был непосредственно задействован в войне, но фактически «ходил кругами» на безопасном расстоянии, чтобы при необходимости защитить коммунистические ценности. Мао и Ким оба были коммунистами и лично знакомы. Дело в том, что в августе сорок пятого года после победы над Японией Корея была «временно» разделена на две части по тридцать восьмой параллели. В 1950 году китайская армия численностью двести пятьдесят тысяч человек вошла в страну для помо-

щи правительству, выбравшему социалистический путь развития. На это сразу отреагировали ООН и США, поддержавшие Ли Сын Мана, главу Юга, всеми возможными средствами. Американские солдаты всех видов сухопутных войск и авиации разбили свои базы в южной части полуострова, а американский Седьмой флот прочно занял позиции на прилегающих островах и в бухтах.

Как-то к Виктору зашел жизнерадостный Яша, напевая популярное «..танго плясал Ли Сын Ман лихой вместе со своей Лисынманихой, Чан-Кайши со своей Чанкайшишкой...» и спросил, рассказывала ли Неля что-нибудь интересное про дела на соседних пастбищах, а то не пора ли перебираться за Урал на ту сторону. Виктор посмеялся, но ответил, что Неська вообще ничего про работу не рассказывает, у них в семье больше секретов у жены, чем у него. Заодно похвалился, что им наконец разрешили учебное погружение к затопленному в бухте Постовой фрегату, Виктора назначили инструктором-водолазом для обучения матросов. Яшка захотел сопровождать группу на катере, он тоже интересовался историей родного флота, да и делать ему в выходной особенно нечего. Погружение прошло успешно, более того удалось достать несколько деревянных обломков, которые сдали на базу, но по кусочку оставили и себе. Один – в подарок Неле, один Яшке для питерских племянников.

Наступил август. Неля уже не работала, но ходила вопреки ожиданиям и предсказаниям подруг вполне бодро. Живот

у нее торчал «огурцом», и все говорили, что будет мальчик, но имя для мальчика пока не придумывалось, а девочка будет Мариной, что означает «морская». Сначала они планировали назвать дочку Ириной, но в соседнем доме у штурмана Голикова родился Сережа вместо Марины, и имя освободилось, Неля тут же «заняла» его для себя. Виктор беспокоился о жене и боялся, что, когда он ей понадобится, будет в море. Он попросил всех друзей, выручить его при необходимости. Соседи успокаивали – кто-нибудь обязательно будет рядом, часть недалеко, машину в таких случаях выделяют немедленно. Пятого августа ему исполнялось двадцать пять лет, четверть века! Он с усмешкой вспоминал Неськину цитату из какого-то классика «как мало пройдено дорог, как много сделано ошибок». Ему казалось, что дорог-то он истоптал немало, а ошибок практически и не делал, ошибался, но брал себя за гюйс, вставал и исправлял. Чего-то очень уж плохого за собой не помнил, только часто с легким стыдом думал об отце, потому что почти уже его не вспоминал. В воскресенье, пятого, большая компания собралась у друга Саши, так как у именинника была слишком маленькая комната. Стол впечатлял, а когда хозяйева преподнесли ему настоящий арбуз, всеобщей радости не было конца. Жена была рядом, продержалась, как и обещала, до юбилея! После горячего объявили танцы, Неля поднялась «на тур вальса» и неожиданно прошептала мужу, что она, конечно, не знает, но, кажется, пора ехать в госпиталь. Виктор испугался,

народ загомонил, кто-то побежал в часть за машиной. Через час приехал грузовик, будущих родителей погрузили с подготовленным «тревожным чемоданчиком». Все выпили за лучший подарок ко дню рождения и продолжили банкет. Когда Виктор вернулся обратно тем же грузовиком, пир еще не закончился. В следующие дни Неля слонялась по госпиталю, вечерами разговаривала с мужем через окно – его лодка, как по волшебству, стояла на профилактике перед ответственными стрельбами. Начальник госпиталя, проходя мимо по коридору сказал: «Павлищева, завтра возьмешь тумбочку и будешь таскать, пока не родишь. Нечего тут место занимать», медицинский юмор Неля не очень любила, но знала, что начмед на самом деле внимательный и ответственный доктор. В пятницу, десятого, в два часа ночи инженер-лейтенант Зданович стал отцом. Но не суждено будет его первому ребенку продолжить флотскую династию: «гора родила»... дочь! Акушерка, вынимая ребенка из цеплявшегося за плечики пузыря скажет: «Счастливая будет, в рубашке родилась! – а потом добавит- Ой, какая курносая, страсть!». Не бывает новорожденных с прямыми носами, но Неля будет звать дочку «бравый солдат Швейк», а старшая ребятня станет кричать ей с улицы: «Тетя Неляаа, ваша Швеечка плачет». Какая уж тут аристократическая Ирина. Очумевший от радости папаша притащил жене два килограмма шоколадного ассорти в газетном кульке, конфетами молодая мама выстлала весь подоконник и только приготовилась

начать пиршество, как услышала грозный оклик все той же акушерки: «Нельзя! Потом животом будешь страдать, и ребенок будет весь в золотухе», конфеты пришлось ей же и отдать. Через неделю девочки были уже дома, из госпиталя в Желдорбате их забирали друзья, так как Виктор ушел в море и встретил своих женщин позже. Пособий по уходу практически не существовало, Серафима выслала Неленьке поваренную книгу детской кухни, добытую Рэмом из-под полы, а во след ей пришел учебник детских болезней, переданный Хеной Львовной через свекровь. Друзья тоже постарались, скинулись и купили с рук настоящую детскую коляску. Ребенок был вполне обеспечен приданым. Кормежка по часам, борьба с коликами, бессонные ночи, длительные прогулки стали единственными событиями жизни, и если Витя вставал к орущей наследнице по ночам, это было единственным, что он делал дома. Бригада готовилась к московской проверке, выходные были заполнены подготовкой, покраской всего, что можно было покрасить, обновлением плакатов и лозунгов, заполнением всяческих журналов и наведением порядка во всем, что видно и не видно. Москва, она далеко сидит, но все видит! Моряки по распоряжению начпо готовили на всякий случай концерт самодеятельности (чтобы уж по полной программе) и разучивали песни типа «Дальневосточная, даешь отпор». К жилым домам проложили деревянные тротуары, чтобы «как у людей» в больших поселках. Пока ждали гостей бухта покрылась льдом, лодки застыли у пирса, про-

верка накатила, наказала, кого смогла или захотела, и так же лихо откатила во Владивосток, в штаб флота. Наступала вторая для Нели и третья для Виктора совгаванская зима.

В декабре Виктору, как отличившемуся во время проверки, досрочно присвоили звание старшего лейтенанта. Третью звездочку обмывали, как и положено, теплой дружеской компанией. «Дорогие совгавнянцы и не менее дорогие совгавнянки...» – начал свой тост любимец публики Яша, затем заставил Виктора положить одну звездочку в рюмку и выпить до дна, чтобы следующий раз наступал скорее. Декабрь был отмечен еще и приобретением нового верного друга там, где этого и вовсе не должно было произойти. А дело было так: Виктора сразу после училища назначили командиром БЧ-5 на лодку, где давно уже сформировался основной костяк (или скорее кулак) команды. Неформальным лидером был старослужащий старшина второй статьи и по крови даурский казак Владимир Лашев. Высокий для подводника черноусый красавец пользовался неоспоримым авторитетом среди матросов и уважением командира лодки. Военной специальностью Лашева были дизеля, он знал их до тонкостей и с закрытыми глазами мог собрать-разобрать любую установку. Новый инженер-механик подвергся с самого начала пристальному вниманию старшины, который, замерев, ждал, когда молодой офицер даст слабину или ошибется. Но хоть и было видно, что кое-что командиру приходится узнавать прямо на месте, все проходило на удивление гладко, более

того, если возникал вопрос по делу, Матвейч не стеснялся спросить мнение более опытного старшины. Отношения выравнивались, становились обоюдными уважительными и даже порой насмешливыми с обеих сторон. К такому типу отношений старослужащий не привык. На берегу же Лашев, «настоящий казак», вел себя как хотел, но более-менее в рамках устава. В бригаде его знали и ценили, зря не цеплялись и наоборот привлекали к воспитанию молодняка, приходившего из учебки. Лашев флиртовал с поварихами и другим женским вольнонаемным персоналом, иногда уходил самоход, но пойман не был. А еще в бригаде поговаривали, что у него роман с директором военторга в городе, на той стороне. Чему не особенно удивлялись.

Так вот, в декабре в штабе во время оперативного дежурства, Виктор принял телефонный звонок, которым доводилось до сведения командования части, что старшина второй статьи Лашев задержан комендатурой в центре города в нетрезвом виде, при задержании оказал сопротивление, заключен под стражу, ожидает приговора и далее перевода в дисбат. Через час, как раз после завершения дежурства, Виктор с бутылкой чистого спирта, не заходя домой, на бригадном «козле» поскакал в Заветы Ильича, откуда должен был уходить катер в город. Пролив еще не встал, ледяная шуга позволяла движение, хоть и с ограниченной скоростью. Влетев в комендатуру и найдя старшего по команде, Виктор с красноречием, подкрепленным бутылкой чистого, с обе-

щаниями наказать и рассказами о героической многолетней службе Лашева, отбил-таки парня, договорился, чтобы нужные бумажки незаметно исчезли из дела и вопрос был закрыт. Бледный, растерянный старшина без ремня и шнурков вышел в предбанник, увидел строгого командира БЧ-5, надел по-быстрому шинель и шапку, и вместе они громко хлопнули дверью ненавистного заведения. Владимир хотел было объясниться, извиниться, покаяться...или что там надо делать в такой ситуации, но Виктор отмахнулся, велел бежать бегом, чтобы успеть на обратный катер вовремя. Отношения резко изменились. Но долг платежом красен, поэтому, забегая вперед, скажу, когда весной дочка Виктора практически умирала от острой диспепсии, Лашев поднял на ноги всех, в том числе свой блат в военторге, выбил увольнительную и на стареньком «козле» по весеннему непрочному льду рванул в город, на ту сторону, достал-таки невозможное – ящик отборных яблок, которые переломили ситуацию и помогли поставить на ноги ребенка, чей организм отказывался работать вообще. Лашев и его преданность старшему товарищу еще не раз удивят окружающих.

Неля высиживала в отпуске по уходу за ребенком с трудом. Если бы не необходимость кормить младенца по часам, она давно бы что-нибудь придумала, нашла бы в конце концов няньку и вышла на работу. Поговаривали, что в Заветах в клубе моряков начал действовать самодеятельный театр, в Совгаванский клуб ВМФ перевели настоящего воен-

ного театрального режиссера! Это был шанс заняться чем-то интересным. Радовало то, что подо льдом лодки обычно не ходили, и Виктор непривычно был дома каждый вечер, они вместе ужинали, много болтали и дурачились. Днем же, для организации правильного сна младенца, она выставляла Маринку на улицу дважды в день на пару часов, у подъезда, в середину сугроба, бортики которого уберегали от ветра. Однажды Виктор, чуть раньше, чем обычно, возвращался из части и у дома обратил внимание на парок, выходящий из середины снежной кучи, а когда прислушался, услышал яростный сип наоравшегося ребенка. Он выхватил краснолицый сердитый сверток из санок и побежал домой, попытка заткнуть рот обледеневшей соской не удалась. Неля ахнула, открывая дверь, взглянула на часы и схватила малышку со словами: «Ты что так рано, у тебя еще полчаса, дорогая!», но все-таки обтерла грудь салфеткой и начала кормить. Выросшая девочка потом припомнит маме эту историю, когда будет жаловаться на свой низкий голос.

Поскольку ребенка девать было некуда, а ясли существовали только на «той» стороне, даже в Заветах только детский сад и школа, Здановичам удалось договориться с соседкой, бывшей воспитательницей, что она будет за деньги сидеть со своим сыном и Маринкой, и даже кормить их, поэтому весной Неля смогла выйти на работу в свой разведотряд. За период ее отсутствия несколько офицеров поменялись, и новый состав сотрудников опять должен был улучшать свой ан-

глийский. Лето в Совгавани короткое, не всегда очень теплое, но этот год выдался удивительно жарким. Кое-кто пошучивал шепотом, что потеплело из-за жарких боев в Корее. Однажды молодые родители гуляли с дочкой и вышли на обрыв, гранитная скала маслянисто блестела, а дальше открывался бесконечный простор ярко-синего цвета, и Неля пошутила: «Помнишь Наташу Ростову: «сейчас бы обхватила себя под коленки и полетела!»? «Да-да. И напрямик в Штаты, в Калифорнию,— засмеялся муж,— а там тебя уже поджидают».

Лодки постоянно находились в море, раскисшие от неожиданной жары женщины могли позволить себе не напрягаться с готовкой, не приводить себя в порядок ежедневно и вообще ходить в халате и дома, и во дворе. Неля никогда себе этого не позволяла, ни прежде, ни потом. У Калечки она сшила несколько новых вещей для работы и написала домой, чтобы прислали вырезки из последних модных журналов на будущее. Группа офицеров, которой она начала преподавать, забросала учительницу комплиментами, в том числе, к ее радости, на английском языке. Пара молодых старших лейтенантов даже попыталась ухаживать, а получив вежливый отпор, стала делать это нарочито громко, выделяваясь друг перед другом, вызывая смех у всей группы и одновременно не давая поводов для сплетен. Все знали, что есть муж, ребенок и репутация. Однако, одни глаза смотрели на нее более пристально, не давали сосредоточиться, иногда даже отвлекали.

Капитан-лейтенант Макаров, прибывший с Камчатки, имеющий колодки с несколькими наградами, мастер спорта по плаванию и волейболу, с мягкой спокойной манерой речи и без какого-либо намека на неуставные отношения, заставлял ее нервничать. Неля чувствовала этот взгляд даже спиной, что совершенно ей не нравилось, было не нужно и даже пугало. Ведь у нее есть Витя, лучший в мире друг и муж, у них дочь. И вообще все ее внутренние метания пахнут нафталином старого английского романа. Чтобы как-то отвлечься и исполнить давнюю мечту, она с согласия мужа записалась в театральные кружки и стала два раза в неделю ходить на репетиции. Лето радовало яркими красками, ребенок окреп, стал упитанным жизнерадостным существом со множеством складочек на ногах, родители звали ее «юный ланцетуп» за веселый характер, любовь к шумным играм и любопытство. Виктор, не вылезавший из морей, попробовал отпустить усы для солидности, но они почему-то росли рыжими, и Нелькина краска для ресниц не спасала. Короче...не Лашев! Затею прекратили.

Маринка начала разговаривать. Однажды ночью встала на ноги и громко скомандовала: «Пыть!», второй командой стало «титать!», а потом уже всякие банальные «мама-папа-иди-туда». Виктор шутил: «пыть» в папочку, «титать» в мамочку! На октябрь у него был запланирован по графику отпуск длиной 45 суток, на службе выделили путевку в санаторий. Неля свой еще не заработала, и они решили, что в

отпуск Виктор полетит с девочкой, покажет ее мамам, оставит у них на месяц, а сам полетит в Хосту. Неля же в это время будет работать, заниматься спортом и самодеятельностью и отдохнет, наконец, от ребенка. Билет на самолет на одного они вполне могут себе позволить, дочка полетит бесплатно, за сутки ничего не случится, молодой папаша справится. Ил-12 на 27 пассажиров делает десять остановок, вся дорога до Москвы около пятидесяти часов, билет немногим более двухсот рублей.

Перелет в Москву прошел как по маслу, одинокого красавчика старшего лейтенанта с ребенком на руках везде пропускали без очереди, стюардессы игриво строили глазки, Виктор шутил, проблему с туалетом для девочки тоже как-то решали. Маринка проспала половину пути, хоть день бежал следом за путешественниками, а ночь не успевала. Моложавый дед Павел на машине встречал в аэропорту и отвез на Сушевку, он по обыкновению привез ящичек с пахучими яблоками и передал Симины пирожки. Дома ждали соскучившиеся Татьяны с накрытым столом, охали-ахали, трясли жизнерадостного ребенка, а Виктор сразу же попросился придавить подушку на пару часиков, так как сам практически не спал больше суток, а учитывая разницу во времени, вообще не понимал, «который день, которое число...». Проездной билет «на юга» был выписан заранее, пара-тройка заходов по родным, к маме Симе и Борьке Линде, встреча с Петькой, и заслуженный морской волк отбыл на отдых: ки-

но-вино и танцы.

Как же давно он с таким наслаждением не погружался в море! Разницу в часовых поясах преодолел, просыпался рано и успевал до завтрака поплавать полчаса вдоль буйков, потом пару часиков на полотенчике на гальке, рядом с удалой компанией североморцев, круглосуточно дующихся в карты и дымящих безостановочно, как паровозы в горку. Виктор тоже покуривал, но редко, чаще для понта или после рюмки за компанию. На пляже вообще ни пить, ни курить не приучен и не любит. А вот ближе к вечеру, в бархатном тепле сочинской осени стаканчик легкого вина с папироской, это совсем другая история. Первую неделю старлей просто отдыхал в трехместной палате, валялся, читал, изредка ходил на предписанные процедуры, а на оставшиеся две недели был целый план, так как в этот же военно-морской санаторий приезжали трое приятелей, один с женой. В их званиях не положены были путевки на жен, но тут жена – дочь адмирала, в этом случае путевки организовал папа-начальник. У простых смертных жены и дети, если приезжали, селились в частном секторе, за занавесочкой, если повезет, если нет – в общей комнате или на чердаке, для любителей – в сарайчике. А развлечения намечались обширные: поехать по окрестностям, посидеть от души в ресторане, сходить на концерт приезжей знаменитости, потрепаться, узнать про общих знакомых. Одному все перечисленное делать было не интересно, да Виктор и по жизни был человеком компанейским. Ба-

рышни на него посматривали, он шутил и был обаятелен, но на сторону смотреть желания не было.

В Совгавани тем временем была назначена премьера, она планировалась на декабрь, когда потенциальные зрители как тридцать три богатыря выйдут уже из волн морских и с удовольствием заполнят кресла Дома культуры. Планировалось дать несколько спектаклей в выходные, а затем, если хорошо примут, ездить на гастроли по всему тихоокеанскому побережью, с нашей стороны, естественно! И репертуар режиссером был выбран подходящий для этой публики и этих мест: пьеса Анатолия Барянова «На той стороне» о работе разведки и контрразведки в советско-японской войне сорок пятого года. Режиссер был профессионалом и вне себя от счастья от того, что Неля, которой он дал главную роль американской шпионки, знала английский. По пьесе язык может и не нужен был, зато какой внутренний подтекст! С костюмами помогала одна из артисток, Дашенька Латоцкая, офицерская жена, опытная портниха и душевная подруга с потрясающим чувством юмора. Она звала себя «комик на сцене и злодейка в жизни», но более чуткой и доброй женщины трудно было отыскать. С костюмами проблем было не много, больше половины – военная форма, но несколько платьев для шпионки пришлось сочинять из подручных материалов. Актерский состав пестрый, в основном офицеры, по парочке гражданских специалистов и сверхсрочников и четыре жены военморов. Зато режиссер был настоящий, про-

фессиональный и требовал от своих артистов полной отдачи, выстраивал интересные мизансцены, тряс руководство дома культуры, чтобы не скупилась на декорации и ткани для вечерних туалетов. Даже звонил некоторым начальникам, чтобы артистов по возможности отпускали на репетиции вовремя. Весь город был наслышан о постановке и с нетерпением ожидал показа. В этих дальних краях, не избалованных приезжими артистами, искренне и радостно встречали и своих местных, которые иногда становились знаменитостями уже и по ту сторону Уральского хребта. Небезызвестные Рудаков и Нечаев, одни из зачинателей популярного направления советской эстрады – дуэтов куплетистов, начинали свою творческую карьеру на Дальнем Востоке.

В Москве бабушки не могли нарадоваться на гостевавшую внучку. Тут же вызвали Хену Львовну, чтобы она провела профессиональный осмотр дитятка и дала рекомендации. Доктор с огромным удивлением отметила, что в такой тьмутаракани вырастают здоровые и полноценные дети. Кормежкой занималась Демьяновна, она варила жидкую манную кашу без комочков, и научила девочку есть ее с клюквой. Паюсную черную икру и лимоны (для выжимания сока через марлечку в блюдечко по утрам) покупала Татьяна первая. Она же гуляла с ребенком в сквере на Миуссах, читала книжки и с трудом отпускала на денечек-два к Серафиме, той тоже хотелось похвалиться внучкой перед родными. Дед купил девочке по Симиному требованию «раскошелиться» два

платья и валенки, был удостоен поцелуя измазанного конфетами рта и тихо млея в углу гостиной в гобеленовом кресле, которое сам и привез когда-то. Ребенку особенно понравились валенки. Верная подруга Ларочка приезжала с фотоаппаратом и увековечивала события. Ее старшая сестра Шура все еще находилась «на излечении» в местах отдаленных и отделенных от столицы, и одинокое Ларочкино сердце нашло выход для нерастраченной любви к Матвею. Короче, когда загорелый радостный родитель приехал забирать дочку у бабок, он столкнулся с молчаливым сопротивлением и вынужден был провести в столице еще несколько лишних дней, выторгованных в обмен на хорошее расположение старших женщин. Получил полный отчет о каждом чихе и пухе, о том, что все продукты были свежусенькие и протертенькие, «изпод Лепешинской», учитывая весенние проблемы. И сто раз пожалел, что не купил обратные билеты заранее – не было бы повода для споров и обид.

Виктор должен был прилететь в конце ноября, а на шестое декабря была назначена премьера спектакля. Роль Неля давно уже вызубрила наизусть, но до сих пор продолжала отрабатывать психологический образ героини, пробовала разные интонации и совсем потеряла покой. Ей казалось, что она все делает не так, что обязательно провалится и вообще, чем больше она работает над образом, тем хуже и неестественнее он становится. Каплей Дмитрий Макаров как-то случайно пару раз оказался попутчиком по дороге в «колхоз», они

разговорились и оказалось, что у них полно общих интересов, они одинаково смотрят на литературу и спорт, оценивают кинофильмы и артистов, у них схожие взгляды на многие вещи. Разговоры были настолько легкими и приятными, что он предложил встретиться ее после репетиции и продолжить беседу. На службе в отряде новые друзья держались строго официально и виделись-то не каждый день, но в среду и в воскресенье он, точный как швейцарские часы, уже стоял в двухстах метрах от ее дома, провожал до клуба, встречал после, укрываясь за соседним ларьком. Она посмеялась: «Дима, ты как разведчик!», а он в ответ: «Почему как?». И это снова стало темой для разговора, они не нарушали подписку о неразглашении, но вполне свободно обсуждали действия героев пьесы, и Дмитрий смог сделать несколько ценных замечаний по нюансам Нелиной роли.

Неля скромно отпраздновала свой день рождения, который спрятался за двумя предыдущими праздничными нерабочими днями. 7 ноября она была в компании с Сухаревыми и Латоцкими. Сашка опять напился и после застолья гонял Валюху по поселку, бегал за ней с матросским ремнем и угрожал, что покажет ей известную мать... Латоцкие посидели с Нелей для приличия, убрали вместе со стола, а потом сбежали от скандала к трем своим архаровцам-сыновьям. Суббота была посвящена стирке-уборке, и хоть на семи метрах убирать было легко, часть времени она все-таки потратила на починку одежды. Такова судьба всех советских жен-

щин, в праздник готовить еду, потом мыть посуду и убираться. Зашла Валя с остатками пиршества и с синяком, Сашка ушел на дежурство и она, вытянув ноги и затянувшись папиросой, в который раз жаловалась на мужа, причитала, что, если бы ей встретился нормальный мужик, она бы ушла, не оглядываясь. Неля была уже ею проверена на болтливость и заслужила полное доверие, не читала мораль, не обсуждала с другими поверенные секреты. В свой день рождения она опять отправилась на репетицию и с грустью отметила, что Дмитрий не пришел ее проводить. Ну и ладно, дома ее ждет сладкий пирог по маминому рецепту, не поленилась испекла с утра, есть припрятанная бутылочка нового грузинского вина Твиши, купленного Витей для нее перед отъездом. Дашеньку она прихватит с репетиции, придет Каля и они отлично проведут время. Письмо от мужа пришло три дня назад, скучает – любит, телеграмму от мамы принесут завтра, а «подарочек передаст с Витенькой». Все хорошо. И каково же было ее изумление, когда, выйдя из клуба, они встретили Дмитрия со свертком в форме книги и веткой с желто-красными листьями в руках. Тот сделал шаг из-за ларька и позддравил. Дашенька открыла глаза пошире, немножко засуетилась и пообещала прийти к ней чуть позже, так как ей надо к приятелям на минуточку.

Через двадцать дней семья вернулась из отпуска. Буквально сверкающий черноморским загаром Виктор, подросшая и подстриженная под горшок дочь, которая не узнавала маму

и пряталась за папины штаны. «Она меня даже не узнает и говорит басом», — пожаловалась Неля, изображая горе, и как обычно услышала успокаивающий тон мужа: «Потерпи, Кнопочка, она завтра же привыкнет». Слава богу, вернулись!

Премьера прошла «на ура», зрителей набился полный зал, все хлопали, кричали «Браво!», даже, «как у больших», вынесли корзину цветов от политотдела флота. Неля блистала, позже она шутливо оправдывалась, что в этом виноваты прекрасные Дашенькины наряды. Командование гарнизона сидело в первых рядах, с женами. Даже сам вице-адмирал Холоднюк пожаловал. Начальник дома культуры обещал организовать еще несколько показов, а политотдел в лице капраза Бабушкина обещал составить график гастролей и выделить катер для артистов. Это было важное событие в жизни города, о нем говорили еще две недели, пока его не затмила беда, пришедшая на флот, в бригаду, в подплав.

Вообще 1952 год уходил тяжело, осенью в районе бухты Постовой разбились два реактивных самолета. А на середину декабря были назначены большие учения под командованием вице-адмирала Холоднюка как подарок ко дню рождения верховного главнокомандующего И.В. Сталина. В предстоящих учениях подлодка Виктора не участвовала, но его, как уже более опытного, собирались прикомандировать на этот период к той самой «щучке», на которой он мечтал служить в первое свое лето. На ней было много молодых офицеров с Черноморского флота. Инженер-механик лодки уехал

в очередной отпуск во Владик, жениться. Команда еще не сработалась, даже командир лодки Владимир Краснов был назначен только в этом году. Володя был опытным офицером, орденоносцем, хорошим штурманом и старпомом, но командирского опыта не имел, и не будучи трусом, считал, что лодка к такому серьезному походу не готова. Комбриг поддерживал подчиненного в том, что ее рано включать в состав группировки для учений, но начальник штаба флота Родимцев уперся и потребовал выполнять разнарядку. Виктор включился в работу с пол-оборота, опять пропал на пирсе, домой приходил к ночи, спать. Ему понравилась игра жены в спектакле, чего не скажешь о самой пьесе – она была злободневной, наверное, но слишком примитивной. Неся встретила его радостно, но что-то в ней поменялось за период его отсутствия, он не мог понять что и начинал нервничать. Слава богу служба не давала углубляться в самокопание. Он готовился к походу, много времени проводил на чужой лодке, так как на своей был верный Лашев и все было отлажено и перепроверено.

Дней за пять до выхода в море Фастман, флагмех, вызвал Виктора и отменил распоряжение о прикомандировании, так как командир БЧ-5 Карпов прервал свой медовый месяц и прибыл в бригаду раньше срока, чтобы лично вести корабль на учения, он болел за дело и надеялся отличиться. А поскольку лишних «едоков» планировалось несколько, в том числе офицеры морской разведки и штаба флота, Зданови-

чу на этой субмарине места не было. Тем более его родную посудину тоже включили в группу. Фастман и Саша Карпов служили вместе давно, дружили и поддерживали друг друга всегда. Виктор совершенно не обиделся, дело прежде всего. А то, что он опытный механик, признавали многие, весной на парткомиссии его еще до истечения комсомольского возраста приняли кандидатом в члены КПСС, коим он и проходит целых три года в связи с «вновь открывшимися обстоятельствами».

Пятого декабря в День конституции начались снегопады, которые не собирались скоро заканчиваться. Над морем туман перемешивался со снегом и дождем, штормило баллов на четыре-пять. Вечером четырнадцатого, в воскресенье, лодка под командованием Краснова вышла в поход на плановое учение. Шесть субмарин должны были атаковать условного противника двумя группами с предварительной разведкой и с последующей помощью авиации. Разведка и наведение на «врага» было поручено «щучке» Владимира. Остальные двумя «волчьими стаями» должны были атаковать эсминцы вместе с лодкой-разведчиком. Учениями командовал комбриг Прохоров.

На следующий день от Краснова пришла радиограмма о том, что отказал правый дизель, включили левый, ремонт осуществляют по ходу движения, продолжают выполнение задачи. Сутки ждали следующего донесения, вечером Прохоров потребовал сообщить место нахождения, однако вы-

нужден был доложить в штаб флота о потере связи с кораблем. Учения прекратили. В это время в районе плавания обнаружилась плавающая мина, которую сумели уничтожить, а эсминцы, аварийно-спасательное судно и тральщики получили новую задачу – искать следы лодки. Подключили авиацию, искали до выработки всего топлива, сидели на сухарях, слушали эфир, подключили рыбаков и погранцов. Тщетно. Пятьдесят два человека затерялись в морской пучине.

Прибежала Валюха, она плакала и причитала: «Девочки, наша лодка погибла». Как жена связиста она, наверное, быстрее других улавливала голос эфира. Неля вытолкала кое-как одетую дочку к няне и бегом побежала в свой отдел. Там тоже пока никто ничего толком не мог объяснить. Никто не говорил, погибла или «утонула», все искренне считали, что все обязательно будет в порядке. Приехал начальник управления разведки и лично возглавил работу отдела, как будто в этом был хоть какой-нибудь смысл. Люди сутками слушали эфир, но там по-прежнему были только американцы, наши как в воду канули. Война в Корее велась южнее, но вероятность того, что лодку уничтожили америкосы, оставалась. Во всех поселках было тревожно, жены в ужасе затаились, кто-то плакал, кто-то молился, никто ничего не объяснял, и никто не знал, с какой именно лодкой беда. Неля закаменела, губы свело в узкую полоску, она только шептала про себя: «Кутюша, Кутюша». Дмитрий подошел, спросил, может ли помочь и тихо сказал, что фамилия командира пропавшего

корабля Краснов. Неля кинулась к другу и заплакала.

Командование бригады и флота срочно вызвали в Москву, офицеры на всякий случай попрощались с семьями. Ушедшие в поход лодки вернулись на базу. Все, кроме одной. Зина Краснова, жена командира, слегла. Во многих домах стоял плач по погибшим, так как время надежды закончилось. Все обсуждали возможные причины: во-первых, мина – хоть остатков после взрыва никто не обнаружил; во-вторых, случайный таран ночью, когда лодка без огней всплывала для подзарядки, на этот случай было дано распоряжение водолазам обследовать днища всех судов в районе и в восточных портах Камчатки, в-третьих, американская бомба или подлодка (следили за переговорами и прессой Кореи и США), в-четвертых, версия начпо Бабушкина – командир увел лодку в Америку или Японию, экипаж – просто предатели.

В Москве старших офицеров допрашивали по очереди, ночами, сверяли версии и кричали, чтобы они своими военно-морскими фокусами голову не морочили. Холоднюк даже пошутил, что сидеть будут рядом с домом, так как Совгавань – столица республики зеков. Прохоров не шутил, он просто свалился с инфарктом. В конце концов их заслушали на заседании правительства, хотели наказать примерно, но Верховный ухмыльнулся в усы: «Мы тут ничего не понимаем, пусть их флот накажет». Министерство обороны решило считать весь экипаж пропавшими без вести, а это значило, что все семьи, оставшиеся без кормильца, не будут по-

лучать за них пенсии. Командующий военно-морским флотом все-таки отстоял право обездоленных людей на денежное пособие и обеспечил квартирами «в любом городе по выбору вдов», кроме столицы. А в Совгавани продолжались допросы. На жену Краснова Зинаиду кричали, выпытывали, собирался ли муж увести лодку в Японию, офицеров по одному приглашали на беседу с сотрудниками особого отдела и выясняли, кто что видел и думает. Кстати сказать, поиски лодки или ее останков велись еще в течение года, а потом прекратились.

На допросах вспомнили, что старший лейтенант Зданович исполнял обязанности командира БЧ-5 на пропавшей лодке в течение полутора недель, Виктора начали таскать снова. Кто-то где-то когда-то слышал, что Виктор сам американец по рождению, хоть этого и не может быть, но больно он не такой, как большинство, и как он тогда попал на флот. И вообще, Зданович странно себя ведет – на партсобрании разбирали Авдеева за драку, а Виктор сказал, что за жену и он по морде дал бы, и с ним согласились, суд чести хотели устроить Яковлеву за пьянство и побои благоверной, он отговорил и обязался взять приятеля на поруки. Припомнили и политинформацию с цитатой из речи Черчилля. Особистам нужно было хоть что-то, и они с радостью и остервенением схватили добычу. Пригрозив и посулив, они нашли пару человек, не отказавшихся продолжить описание грехов старшего лейтенанта. Тучи начали сгущаться, хоть сам подо-

зреваемый этого не чувствовал. Оправившись от шока, как-то сжившись с личным горем от гибели сослуживцев, Виктор продолжал нести службу. Из-за беды он стал больше задумываться о семейных ценностях, больше времени уделять играм с дочкой и семейным прогулкам. Его обожала вся дворовая ребятня, он был одним из немногих, кто играл с ними, разговаривал без насмешек, возил длинные поезда из санок, гонял с ними мяч на снегу и стал общим ДядьВитей. Когда он выходил с Маринкой во двор, мальчишки летели к нему как после долгой разлуки. Новый год прошел не очень весело, друзья вроде бы и лепились друг к другу, но почти не разговаривали о случившемся, ни у кого не хватало духу веселиться и дурачиться, как обычно. Виктор опять дежурил, Неля никуда не пошла, осталась с Маринкой и взяла под крыло еще двоих. В половину первого услышала, как в окно бросили камешек, сквозь штору увидела Макарова, кинула взгляд на спящих детей, и спустилась вниз. Дмитрий, порозовевший от ходьбы по морозцу и выпитой рюмки, схватил ее в охапку, поздравил, поцеловал и подарил детский подарок в картонной коробочке для дочки. Репетиций пока не предполагалось, а он хотел видеться в прежнем режиме. Неля и рада была бы, ее сердце разрывалось пополам, ни одного из своих мужчин она не хотела обидеть. На службе пара виделась, но не говорила на посторонние темы. Дима приходил еще несколько раз в январе, они гуляли, болтали, целовались до одурения, так, что ее каракулевая куба-

ночка слетала с головы, но искать причину для выхода из дома становилось все трудней. Виктор догадывался, наверное, а потом ему просто в лоб донесли, что видели несколько раз его жену с высоким каплеем. Муж стал уходить по воскресеньям с Маринкой погулять и в гости, а Неле сказал, чтобы она разобралась в своих чувствах сама, он не осуждает, но мириться с этим не хочет. Друг Яша и друг Саша вопросов не задавали, с удовольствием приглашали Виктора на воскресные посиделки, одного или с дочкой. И Яша, глядя на толстушку в белой заячьей шубке обычно пел: «Долго Мари ходила в шубке норковой, даже летом не снимала свой роскошный мех» и показывал «козу», Маринка хохотала и мусолила поцелуем аппетитную щеку дяди Яши. Сашка же только понимающе вздыхал, так как о его ревности к жене знала вся бригада.

Беда одна не приходит, слушок об их встречах уже пошел, кто-то нашептал и командиру разведотряда про роман подчиненных. Тот долго не раздумывал и решил разрубить гордиев узел одним ударом, подергал свои связи и написал представление на перевод капитана-лейтенанта Макарова с повышением во Владивосток. Капитан третьего ранга Белых, во-первых, был хорошим человеком, во-вторых, высоко ценил обоих своих подчиненных и не желал им зла, в-третьих, ему не хватало скандала, разбирательств и личного дела, когда вот-вот придет приказ о присвоении ему звания капдва. К 23 февраля решено было снова показать спектакль, Неля

ходила на репетиции в сопровождении своего оруженосца, Виктор чернел лицом, сжимал челюсти, но ничего не говорил. А Дмитрий завел разговор о том, что она должна сделать выбор, его вот-вот переведут на новое место службы.

– А Маринка?

– Заберем с собой.

И тут в голове все встало на свои места, она вспомнила Витино «своих не бросаем», поняла, что она наворотила дел, конечно, но может быть еще не поздно все исправить. Она сказала Диме, что невозможно разорвать то, что у нее есть, она не сможет построить новое счастье на костях. Дмитрий понял это как «нет», поцеловал свою несостоявшуюся любовь, повернулся и ушел, а через две недели отбыл во Владивосток. Больше они не виделись.

Виктор по лицу жены понял, что решение она приняла, что он выиграл этот бой. Не нокаутом, к сожалению, но награда стоила побитого самолюбия. В марте погода в бухте Постовой и в семье стала налаживаться. Родители дышали полной грудью, даже шутили, без причины кидались обнимать и целовать наследницу и готовились к праздничным посиделкам с друзьями. Дочка обожала, когда папа ей пел. Репертуар у него был обширным, но больше всего она любила «вечернюю», колыбельную «Медленно и сонно проплывают облака...», особенно слова, что «папе нужно тоже спать» и «дневную» – «Три танкиста», помните: «На границе тучи ходят хмуро»? Тучи ходили хмуро уже над Виктором, но он их

не замечал. В феврале получил благодарность командования в связи с годовщиной подъема флага в бригаде и групповую фотографию с печатью на память. Как и все переживал потерю сослуживцев, большинство из которых знал лично. Дни шли, острота боли понемногу ослабевала. Подводники, которым по уставу положено в случае возникновения ЧП в отсеке задраиться и спасти корабль ценой собственной жизни, существовать сутками при температуре в отсеке от пяти до пятидесяти градусов Цельсия в зависимости от географической широты пребывания, более-менее обучены быть психологически готовыми к потерям. Гражданским этого не понять, но обсасывать и лелеять горечь утраты моряков отучила служба, только шрамы, накопившиеся в душе, вдруг отзывались ночным воем скорой или того хуже мужскими слезами на горькой трапезе.

Шестого марта пятьдесят третьего всю страну потрясла кончила человека, который в мире и считался всей этой страной, как «государство – это я!». Умер тот, кого до глубины души любили или ненавидели, а боялись абсолютно все жители огромной державы. На несколько секунд сердце каждого из ста девяноста миллионов граждан остановилось, но государственная машина репрессий и подавления продолжала работать по налаженной схеме. Если возникали вопросы к человеку, значит на эти вопросы надо ответить и человека этого подавить, чтобы вопросов не создавал. Итак, «санитары леса», что мы имеем в анамнезе, прежде чем начи-

нать задавать вопросы: во-первых, еврей – и почему половина или больше всех инженеров-механиков на флоте евреи...; во-вторых, родители, кажется, прибыли в СССР из Америки, но не репрессированы – странно; в-третьих, жена – учитель английского и работает в разведотделе – не есть хорошо; откуда-то берет материалы, не печатавшиеся в советской прессе, цитаты из выступления премьера Великобритании; был прикреплен к лодке, команда которой не найдена и может быть перешла на сторону противника – почему прикреплен, может сам готовился уйти с ними. Выводы – подготовить материалы по делу, доложить наверх, а пока не поставлен окончательный диагноз, отстранить от службы, вывести «за штат» до особого распоряжения и самого, и жену. И пусть покрутятся на ползарплаты!

Он иногда ловил косые взгляды начпо, но весной чаще бывал на пирсе, чем в штабе. Однажды его пригласил секретарь парткомиссии и провел нудную беседу на тему воспитания личного состава, поинтересовался, где он берет материалы для своих бесед с матросами и вообще, как складывалась его биография до военного училища. Удивился, что Виктор прошел войну на этом же флоте, и в училище поступал из Владивостока. Поинтересовался, с кем Виктор дружит в части, и отпустил. Потом Сашка Сухарев сказал, что его тоже приглашали на беседу, он не очень понял, в чем дело. У Нели весной началась бурная гастрольная деятельность, по воскресеньям им выделяли катер, на котором артисты объ-

ездили все отдаленные гарнизоны и порадовали людей, отвыкших от цивилизации, живым общением. Кроме того, она снова начала тренировки к первенству флота по легкой атлетике, теперь уже за свой отдел.

После смерти вождя Президиум ЦК КПСС принял решение о выходе из военных действий, Китай, потерявший существенную поддержку, начал подготовку к переговорам об обмене военнопленными. США после ноябрьской поездки вновь избранного президента Эйзенхауэра в Корею тоже ослабили военное давление и приступили к сворачиванию боевых операций, окончательно же вопросы мирного урегулирования решались еще более полувека.

В мае Нелю пригласил капитан второго ранга Белых и с грустью сказал, что они должны попрощаться, так как он в июне переводится на новое место службы, а ее должность с середины мая сокращается, ей выплатят двухнедельную компенсацию, но он очень просит все-таки выступить за отдел на предстоящих соревнованиях. Она очень огорчилась, но согласилась, конечно. Решает в данной ситуации не она. Придя домой, проплакалась хорошенько, так что Виктор оторопел, увидев красные глаза и носик любимой девочки. Обнял, прижал к груди и сказал: «Ничего, Кнопка, пробьемся. А тебя Рэм звал поехать вместе на Рижское взморье, ты же в отпуске у нас еще не была, поезжай. Осень весны мудренее». «Какой же он замечательный, – в очередной раз подумалось будущей домохозяйке. Через день она сбегала в Желдорбат на

почту и послала телеграмму брату, чтобы брал путевки на август. Берега бухты утопали в цветах, май получился теплым, временами жарким. Дочь повзрослела, но пока еще одну ее выпускать во двор было страшно, иногда соседские девчонки постарше брали Маринку под крыло и отпускали Нелю побегать по пахнущим терпкой молодой хвоей тропинкам. Соревнования были не за горой, а нужную форму она пока не набрала. Виктор и Сухаревы обещали болеть за нее, если мужчины будут в это время на берегу. Соревнования она выиграла, но звенящей радости, как в прошлый раз, не было. Она уже не была полноценным членом команды, правда статус домохозяйки еще тоже не прилип, формально она была в очередном отпуске, но это именно формально. Единственной радостью было новое знакомство. На их лестничной клетке в квартире напротив появились новые жильцы. С прежними как-то не сложилось, вежливые кивки были основой взаимоотношений. На востоке так не было принято, дружили квартирами, этажами, подъездами, домами, если бы у них была улица, то и улицей бы, наверное. А семья Скворцовых, которая уехала, была очень замкнутой, сухо-недоброжелательной. Яша называл их «вещь в себе», а кумушки у подъезда сектантами. Сами ни с кем не дружили, сторонились общих посиделок, сохраняли свой замкнутый мирок, хозяин квартиры был старпомом на «щуче»; мужья говорили, что и на службе он был строго официален и немногословен.

В эти дни на лестничную площадку какой-то добряк принес и устроил на тряпочке рыжего щенка с рваным боком. Себе не взял, но поставил консервную банку с водой рядом. Щенок сутки лежал и трясся, а потом начал скулить, душевраздирающе и бесконечно. Все жильцы начали потихоньку сходить с ума от жалости, беспомощности и невозможности ни помочь, ни спать. Позвали медика из части, он глянул и сказал, что все бесполезно, вырван кусок, кишки открыты, надо заканчивать. Дети боялись подниматься на второй этаж, Маринка ходила, сильно зажмуривая глаза и крепко держась за мамину руку. Было страшно. Жильцы собрались у подъезда. Во двор вышла Вера Баштаева с ружьем и сказала: «Мужики тут есть?», мужики, в том числе охотник-муж, потупили глаза. Щенок скулил в беспамятстве. Офицеры потянули спичку, и бледный Виктор вместе с мичманом Рымовым со щенком на лопате ушли вглубь окружающих зарослей. Детям сказали, что собачку забрал Айболит.

Новый флагманский доктор, майор медицинской службы Василий Попов, прибыл в подплав сразу с семьей. Дети, девочка и мальчик школьного возраста, натомившись в поезде в течение двух недель, захлеб носились по улице, наслаждаясь неожиданными ранними каникулами, знакомились с новыми друзьями и обследовали местность. Улыбчивая и доброжелательная жена как-то неназойливо и быстро влилась в окружающую обстановку. Наверное, ее большой жизненный опыт и знание законов военных городков поспособствовали

тому, что Неля вдруг обнаружила себя на Галиной кухне в окружении еще нескольких соседок за чашкой хорошего чая с вкуснящим тортом. Оказалось, что Дашенька была знакома с хозяйкой по прежнему месту службы и была от Гали в полном восторге. Она позже рассказала Неле, что Галка – бывшая летчица, с Васей познакомилась в войну, Вася – ленинградец, прекрасный человек и доктор.

Теплая, душевная, с редким чувством юмора соседка стала не просто подружкой, а другом на всю жизнь. Когда у Виктора начались никому не понятные, но существенные и неприятные проблемы, когда почти половина знакомых и соседей перестала замечать и здороваться, Поповы ни на секунду не прекращали общение, поддерживали морально и физически, если было нужно. Звали в гости на праздники и сами приходили всегда как родные и близкие люди. Наташа, Галкина дочка, когда надо было помочь, сидела с Маринкой, а Неля помогала ей с уроками по английскому, Серега играл с дядей Витей в футбол, любил участвовать в обслуживании черного коня ижевского завода, пока его не продали. От безденежья.

Какое яркое лето было в этих краях! Май и июнь Витина лодка проводила в бесконечных многодневных походах, а в конце июня его вызвал и.о. комбрига. С каменным лицом он объявил Виктору о переводе его «за штат» до полного выяснения обстоятельств его биографии в связи с гибелью подлодки. Сказать, что старший лейтенант был потрясен, это

еще слабо сказано. Поскольку «доведено до сведения» и вопросов не задают, он развернулся и с какой-то плывущей головой вышел в коридор. Что делать, где выяснять причину, как защищаться – вопросы хаотично всплывали, перемешивались и уходили. Если бы ему было не двадцать шесть лет, а раза в два побольше, его, наверное, «хватил бы Кондратий». Вышел во двор в курилку, сел на лавочку и затянулся первой, но далеко не последней в этот день папиросой, стал выработать план спасения. Не даром БЧ-5 на кораблях обеспечивают «борьбу за живучесть»! Поскольку, «партия – наш рулевой», надо, стало быть, начать с парторга, капдва Лисина, Андрей – воробей стреляный, подскажет, куда дальше. И надо к флагмеху: во-первых, кто будет дела на лодке принимать, во-вторых, может подкинет какое-то занятие на берегу, иначе он свихнется от безделья и безденежья, ведь жену тоже сократили. Кстати, а сократили-то не по этой же причине? Причине недоверия к мужу-офицеру, который неизвестно чем проштрафился. И что делать с обязательствами по выкупу облигаций государственного займа? Коммунисты подписывались обычно на несколько зарплат. Эта добровольно-принудительная кампания, рассчитанная на отбор средств в пользу государства с возвратом через двадцать лет, не была для них чрезмерной, пока в семье были две полноценные полочки. А теперь?

Нет, можно, конечно, уйти в запой, оттянуться, дождаться, когда совсем уволят с флота, без пенсии, уехать домой

в Москву и сесть на мамины квадратные метры втроем, на мамины Танины или Симины, неважно. И тут же представил, как ехидный каптри Сидоренко прошипит: «Ну, Зданович, ты даешь, у тебя везде все схвачено – две квартиры в Москве! Где уж нам, простым воронежским работягам!». Но на сегодня с него потрясений достаточно и неприятных разговоров тоже. «Дело к вечеру, пойду домой, с Лялькой посоветуюсь. Да и утро вечера мудренее». В обычные дни они возвращались из части с Сашкой Сухаревым и кем-то еще для компании, по пятницам несли теплые кирпичики хлеба подмышкой, трепались о том, о сем, но сегодня никого видеть не хотелось. Пойду один «по холодку, пока трамваи ходят» ни к месту вспомнил, хмыкнул и двинулся в сторону дома. А дома его ждал друг Яшка, заговаривающий Неле зубы. Он вопросительно и тревожно взглянул на Виктора и спросил: «Поговорим?», Неля с улыбкой: «Ужинать будешь? Ты рано». Ответил обоим: «Завтра» и прямо в форме улегся на кровать. Яшка кивнул Неле в сторону двери, они вышли, и Виктор услышал приглушенный шепот: «Не волнуйся, у него неприятности, он не виноват. И не приставай пока, сходи к кому-нибудь из баб чайку попей, к Вальке там или к кому еще». Неля молча забрала Маринку и пошла в гости. Яшка заперся с другом в их клетушке, долго зудел что-то про то, что надо бы пойти поклоняться, покаяться или просто потерпеть. Потом, ухмыляясь, сказал: «И какого черта вы из Америки приехали. Это надо себе представить, добро-

вольно сменить рай на шило-мыло! А ты, гад, ни разу даже не похвастался».

В бригаде никто толком ничего понять не мог. Суд чести или проработку на партсобрании устраивать не за что, нет фактов, нарываться и выяснять – себе дороже, только недавно человека повысили и наградили, лодка в передовиках, а тут нате вам! Флагмех вдрызг разругался с начпо, он возражал, что опытный механик будет сидеть без работы, когда полно дыр. Надо его задействовать на благо бригады. «Вот ты и задействуй своего шпиона, я отвечать за него не собираюсь!» – кричал Бабушкин. «И задействую, – отвечал Фастман, – вот в мастерских и задействую!».

Мехмастерские были позорищем славного военно-морского соединения. Плохо оборудованные (не доходили ни руки, ни деньги), расположенные на задворках так, чтобы ни один проверяющий не дошел, с недокомплектом в живой силе и технике. Там тянули лямку самые бестолковые и разгильдяйские матросы, которых страшно было пускать на лодку, а избавиться невозможно – всех в дисбат не отправишь. Вот пусть Зданович и займется! Назначат его начальником мастерских, пусть порядок наводит, заодно без соплей дождется результата проверки.

Неля еще раз внутренне перекрестилась, что не бросила мужа из-за Димы, он не выдержал бы двух таких ударов. Наша девушка только в мелочах казалась хрупкой и неуверенной, она с детства привыкла стоять горой за своих и сейчас

была готова встать в боевую стойку и плечом к плечу сражаться «вместе и за» мужа. Виктор зря боялся, что его девочка ударится в слезы или истерику. Нет, она только сузила голубые глаза, посверкивающие холодным клинком. Внешне казалось, что она сама как-то подобралась, и он услышал. «Не переживай. Мы справимся. Ты лучший механик и лучший человек из всех, кого я знаю, Кутюша. Все образуется. Я возьму Маринку к бабушкам, как и собирались, и оставлю ее там на полгода или год. Путевки Рэм уже взял, отказываться неудобно, а после Прибалтики я прилечу и уверена, что-то уже прояснится и наладится».

И еще до ее отъезда всех, кто был в курсе, потряс старшина второй статьи Лашев. Владимир был старослужщим, пятилетний его призыв заканчивался, буквально на днях ждали приказа о демобилизации. Он уже как настоящий дембель ходил со всеми возможными без наказания мелкими нарушениями формы одежды. Но до него докатилось, что не только он, но и его любимый командир должен оставить родную посудину, причем не по своей воле. Что там и как поменялось в его планах, никто так и не узнал, но он сходил к парторгу, затем к начпо, флагмеху и командиру базы. Ровно в тот день, когда Виктор провожал своих девочек на самолет, Владимир подписал заявление о зачислении на сверхсрочную службу, конкретно в мехмастерской бригады.

Серафима и Татьяна, получая Нелины и редкие Витины письма, обе уловили по тону последних месяцев «неладно

что-то в датском королевстве». У обеих сжималось сердце, обе чувствовали «уменьшение яркости» повествований, из них как будто ушла радость бытия, шутки, если и были, стали принужденными, описываемых событий стало меньше. Было похоже, что письма больше не несут функцию общения, а служат только снижению уровня беспокойства обеих мам. Разговор по телефону подтвердил, что ощущения у них схожие, и что надо бы встретиться. Очень удачно в их компанию затесался Рэм с тортом из гастронома «под Лепешинской», он был галантен, весел и успокоил дам в отношении сестры и ее семьи. Сказал, что на флоте неприятность, проверки, Виктор, видимо, занят, а Неля в порядке и едет с ним в дом отдыха в Прибалтику буквально через месяц, и вроде даже прилетит с Маринкой. «А как же иначе, – заворковали бабушки, – не с папой же девочку бросать!» Тут Серафима и призналась, что думала, вдруг у детей разлад, Нелька-то своеобычная, вспылить может, вдруг зятек обидится. Ну и ладно, обошлось, зря переволновались, решили дамы и разошлись с легким сердцем.

Неля прилетела похудевшая и собранная, Маришенция сбилась с биологических часов напрочь и проспала всю дорогу на Сущевскую. Неля шепотом, чтобы не слышал водитель, вкратце рассказала отцу, что произошло у мужа, как это все выглядело с ее точки зрения и спросила, что делать. В этой истории им неоткуда ждать помощи, только он может что-то присоветовать. Павел сказал, что надо подумать и

поговорить с кем-то доверенным, ситуация непростая в целом, и еще более непростая по всей стране. Идут подковерные бои между разными силами, и время для помощи абсолютно неподходящее. «Но – сказал он, – поговори со свекровью». «Да ты что? Что может эта милая тихая дама?». «Не все так просто моя дорогая, я, конечно, не знаю, но их история, в том объеме, который известен нам, предполагает особые отношения с нужными людьми. А у нас все решается по команде сверху: "фас" или "сидеть"». Она так и сделала. Поздно ночью, уложив дочь и Левушку спать, они сели со свекровью на кухне за чашечкой настоящего английского чая, привезенного из Лондона очередным выездным учеником. Неля рассказала Татьяне обо всем, что знала, описала в красках, как Витя страдает, что его сняли с лодок без видимых причин. Каким ударом по его самолюбию это оказалось. И это после благодарностей и наградений! Татьяна поняла, что ее ребенка не просто лишили его мечты, но он оказался под дамокловым мечом, и судьба его в существующих правилах игры под угрозой. Она уложила невестку спать на раскладушку рядом с диванчиком внучки и кроватью Демьяновны за шторкой, а сама пошла в гостиную (она же Левкина комната), зажгла настольную лампу, покопалась в отдельной папке с документами и нашла заветную бумажку: «он сказал звонить в любое время, ему передадут», набрала номер, которым не пользовалась с момента его получения. Тихо сказала: «Это Татьяна Зданович, мне нужно встретиться и по-

говорить» и повесила трубку. Левка под одеялом вздохнул, повернулся на другой бок и, наконец, заснул.

Макс. Сан-Франциско

Больше десяти лет прошло, как его самолет коснулся колесами земли необбетованной – укатанной взлетно-посадочной полосы в Анкоридже. Он давно уже забыл, как его звали на той стороне, привычное Макс вновь стало уютным будто старый свитер. Он хорошо устроился на Восточном побережье в Бостоне, работал в банке, арендовал симпатичную квартирку в зеленом районе, купил подержанную машину, освоил ее и много ездил. «Только такой ненормальный как я мог поселиться в одном из самых антисемитских городов» – думал он про себя, но и место ему досталось только потому, что единоверцы спешили покинуть город из-за усиления давления на евреев, а на его счету были образование, опыт работы и полное отсутствие религиозных убеждений или страхов. После завершения организационной конференции ООН в Сан-Франциско ненадолго появилась надежда, что обстановка будет разряжаться, и он сможет воссоединиться с семьей на любой из двух противоборствующих сторон. Но вскоре, прогуливаясь по парку, он услышал за спиной тихое и нежное: «Матвей Львович, не пугайтесь, Вам привет от Вашего друга Федора». Вокруг не было ни души, они присели на лавочку, голос воплотился в милую барышню. Барышня, кроме приветов, попросила достать для нее пятьсот долларов под письменное обещание вернуть че-

рез месяц, сказала, что дома у него все здоровы и в порядке, и настоятельно рекомендовала перебраться в Калифорнию, в Сан-Франциско. Подыскать там место в активно развивающейся технологической компании, благо с его опытом это будет несложно, специалисты в финансовой сфере на западном побережье нарасхват. Климат там прекрасный, строительство идет в полную силу, он должен поселиться не в квартире, а в отдельном доме без соседей, и с ним свяжутся.

Макс был настолько эмоционально высосан полным одиночеством, что без возражений стал готовиться к переезду, точнее просматривать газеты в поисках объявлений о конкурсном замещении вакансии бухгалтера в компании на Западе. Так он и оказался в городе с долгим летом, пятьюдесятью холмами, привычными туманами, уникальным мостом и огромным количеством китайцев. Фирма, куда его взяли, занималась строительством автодорог в регионе, им нужен был бухгалтер, знающий банковскую сферу, умеющий работать с кредитами. Макс подошел им идеально. Ему тоже было комфортно в офисе. Руководители были похожи на людей, с которыми он много контактировал в СССР: непредвзятые, демократичные, ищущие выгоду и готовые «немножко» обойти закон, если это необходимо. Сан-Франциско бешено развивался, туда хлынули отвоевавшие морпехи и прочие вояки, усиливалась азиатская комьюнити за счет бежавших от «комми» китайцев и корейцев, укоренялись латиноамериканцы – бедному еврею было где затеряться.

Он приобрел в ипотеку дом с двумя спальнями, менее подержанное авто и много разъезжал по побережью, собираясь когда-нибудь доехать до мексиканской границы. Мечтал, как покажет эти фантастической красоты места Татьяне когда-нибудь, как пойдет с младшим сыном подкармливать тюленей. Он не жил монахом, периодически возникали в его жизни какие-то женщины, одна даже переехала к нему на полгода, благо дом позволял это сделать без соседских осуждающих взглядов. Но дама хотела семью, а Макс не мог себе этого позволить, хоть формально он считался вдовцом. Деньги на первый взнос по ипотеке оказались у него на счету как возврат долга, и он, как велено, оформил завещание на свою недвижимость на родственника из Бостона, имя и фамилия которого были указаны при переводе. Однажды они с Лиз поехали на уикенд в Монтерей, к океану, где сняли коттедж, и долго бродили по берегу. Ветер был достаточно сильным, срывал подстилку и засыпал песком корзинку для пикника. Он смотрел и не мог оторвать взгляд от горизонта. Там, далеко-далеко, через тысячи миль лежала другая страна, в которой он готов был оказаться в эту минуту несмотря ни на что. В этот момент у него заныло-потянуло в груди слева, потом боль перешла в левую руку, он побледнел, лоб покрылся холодными каплями. Спутница испугалась, но минут через десять все было уже в порядке и пара засобиралась домой. Лиз умоляла его сходить к доктору по возвращении, что он и сделал. Получил рецепт на таблетки и рекоменда-

ции избегать стрессов.

В марте, сидя за неспешным воскресным завтраком в близлежащем кафе, он листал газету и наткнулся на сообщение о том, что страна Советов потеряла своего лидера. Это был шок! Этого просто не могло быть. Сталин в глазах всего мира был вечен и незыблем как скала. Допив кофе, Макс пошел домой, лихорадочно схватил ключи от машины и поехал, куда глаза глядят. Он ехал и думал, что наступает другая эпоха, появляется реальная надежда вновь увидеть семью. Ведь все поменяется, придут другие люди, откроются новые возможности! Душа пела и сердце стучало в ритме песен Фрэнка Синатры, летящих из радиоприемника, и думалось, что раз Фрэнк сумел воспрянуть после потери голоса, это хороший знак. Судьба непредсказуема, нельзя терять надежду. Душу грело и то, что барышня, навестившая его в Бостоне, обещала передать его просьбу прислать хотя бы фото его родных. За десять лет он так и не понял, зачем он нужен был здесь, так как заданий никаких не поступало, он просто жил, связанный по рукам и ногам, в полном бездействии и с хроническим ощущением несвободы и одиночества. Может быть им нужен был дом «с настоящей историей», но неужели это стоило того, чтобы испортить жизнь четверым? Порой ему казалось, что отправляли его, действительно, на всякий случай, еще не зная, зачем именно он им там нужен и нужен ли вообще. Бесчеловечно. Впрочем, как и все остальное. Надо было в двадцатые оставаться в Нью-Йорке, а не бежать за

призрачным счастьем.

Проголодавшись, остановился у закусочной, съел гамбургер и ему страшно захотелось выпить. Обычно он не садился за руль после рюмки, но немного виски с колой сейчас не помешают, мозги прочистятся, уйдет напряжение, да и до дома не очень далеко. Шоссе практически пустое. Вероятно, он перенервничал из-за радостной вести, а доктор предостерегал, что стресс может возникнуть от любых ярких эмоций. Макс принял таблеточку, запил кока-колой и стартанул. На подъезде к городу заныло в груди, он крутанул руль, раздался удар... Когда из грузовичка выскочил человек посмотреть, велик ли ущерб, водитель легковушки был мертв.

Неля. Рига

Рэм предложил лететь в Ригу на самолете, жаль было терять время на дороге туда, обратно наоборот можно и поездом проехать, прибалтийские поезда чистенькие, в купе крахмальные скатерти, на занавесках синяя чайка вышита. Красотень! Август на Рижском взморье обычно радуется погоде, даже купаться не холодно, только очень долго брести по мелководью. Теплые вещи лучше не брать, тогда багаж будет полегче, а там уже при необходимости он купит ей в подарок вязаный красивый свитер или кофту. И вообще, пусть рассчитывает на кошелек брата, когда они предпримут набег на магазинчики. Все сделали как он сказал. Неля с детства верила в своего старшего, доверяла во всем и полагалась как на гранитную скалу. В Риге, да и вообще в Прибалтике она не бывала, слышала рассказы счастливцев о том, что это совсем Европа. «Там такая еда, такие вещи и такая красота – неопишуемые, только по-русски плохо говорят, но стараются. Мы их освободили, пусть учат язык. А то не поймешь, нахамил он тебе или нет. Взгляды не очень добрые бывают, но это не страшно, привыкнут» – трещала соседка Лена Кусакина. Ее муж, сотрудник технической службы театра, брал жену с собой на гастроли.

Приехали в дом отдыха, устроились в одной комнате. Повезло: раз фамилии одинаковые, поселили вместе, с чужими

не так свободно было бы. В первый же вечер побежали к морю и искупались. Вода оказалась менее соленой, чем в Черном, но очень приятная. Песок был плотным и влажным, как будто утрамбованным. Длинные косы морских водорослей, оставленные приливом, пахли морем и рыбой, в них то и дело попадались мелкие рыжие янтарики. Тропинки к пляжу тоже песчаные, но в мягких сосновых иголках, и идти по ним было комфортно. А названия-то вокруг какие, как звонок колокольчика: Булдури, Майори, Дзинтари! Мечта. Еда оказалась выше всяких похвал, и ни разу за две недели не разочаровала. Попробовали местные взбитые сливки и больше ни разу не отказались от этого десерта, жаль, что нельзя увезти с собой. Пару раз ужинали в ресторанчиках, но в основном для организации досуга, для радости, а не от неудовлетворенности вечерней трапезой по путевке. Единственное, что в Нелю не лезло, это клецки, она даже смотреть не могла, как Рэм уписывает добавку супа. На пляже у них образовалась компания человек в восемь. Играли в волейбол без усталости, вместе ездили по экскурсиям. Рэм записал их на все, которые предлагали. Он вообще не любил сидеть на месте. Природа этих мест полюбила Неле не меньше, чем Совгаванские кущи. А Рига просто привела в восторг. Узенькие средневековые улочки центра, уютные кафе и маленькие магазинчики с изумительными товарами местной промышленности, серебряными украшениями, невиданной стильной керамической посудой! Она хотела забежать в каждый из них,

и не только за покупками, а даже просто полюбоваться. К сожалению, в Домском соборе шел ремонт и на органный вечер – квинтэссенцию туристических поездок, они не попали. Рэм радовался, что в трудный для сестры период он смог оказаться рядом и поддержать.

Серафима в это время тоже уехала с Инночкой в Зеленогорск по стопам старшей дочери, поэтому Маринка осталась на попечении Татьян, о чем совершенно не жалела, не рыдала и стойко принимала бабушкино руководство. Этот ребенок был с детства приучен выполнять то, чего от него требуют взрослые. Твердое мамино воспитание приучило к тому, что шаг влево-шаг вправо от указаний считались проступком. Жизнь скрашивали поездки к знакомым в Малаховку, потом бабушка взяла ее в пансионат Госплана на неделю. Лето в столице было жарким и купание в пансионатском пруду замечательным. Ребенок даже забыл, что у него есть родители. Татьяна же все прокручивала в голове встречу с Федором Бездорожных, которая произошла через неделю после ее звонка в никуда.

Татьяна. Москва

Ей позвонили по рабочему телефону и попросили выйти на улицу к машине с такими-то номерами. Светлая Победа припарковалась недалеко от входа, и задняя дверь была слегка приоткрыта со стороны широкого тротуара. Татьяна села, водитель мягко тронулся с места, и Татьяна, вполоборота повернувшись, увидела знакомые пронзительные глаза. Постарел, погрузнел, лицо нездоровое, а глаза такие же, жесткие и внимательные. «Простите, не мог раньше, вчера прилетел. Что случилось, Татьяна Абрамовна?». Горестно вздохнув, она начала рассказывать то, что знала. Бездорожных уточнил номер части, где служил сын, сказал, что сам разберется, постарается помочь, если будет возможность и необходимость. Попросил не убиваться раньше времени, сказал, что свяжется сам непременно, а ей остается только ждать.

Вернувшись на Лубянку, генерал запросил личное дело старшего лейтенанта, собранное Тихоокеанским управлением, потом поручил помощнику сделать звонок в Управление кадров военно-морского флота, чтобы прислали характеристику и копии всех приказов на старшего лейтенанта Здановича В.М. из нужной бригады подводных лодок, и созвониться с заместителем адмирала Кузнецова, своим давним знакомым по некоторым совместно проведенным операциям. Бледное лицо некогда красивой как старинная камея Та-

ни продолжало стоять перед глазами. Еще тогда, в далекие двадцатые, оно вызывало у него необъяснимое желание защитить это хрупкое и беззащитное создание. Он совершенно не чувствовал своей вины за то, что проделал с их семьей, не убил же, но искренне хотел оказать поддержку, так как о гибели спящего агента ему доложили пару месяцев назад. Рассказать ей он не мог, но сыну решил помочь при возможности. «Наши, если вопьются, не вытащишь без масла, как клеща».

Маринкины два года отпраздновали вчетвером, она, две Татьяны и Ларочка. На красивой вышитой незабудками скатерти поставили нарядный сервиз, торт и ситро, и девочка затанцевала от радости под музыку из радиоприемника. Подарили куклу, пластмассового пупса с закрывающимися глазами – восторгу не было предела! Эта кукла пропутешествует с ней по всем военным городкам, будет дорога выросшей барышне как родная, переживет соперниц и закончит свои дни в столице нашей родины гораздо позже, чем можно было бы предполагать. С легкой руки Татьянушки куклу назвали Милкой. Не Людмилой, а именно Милкой. Лева, придя домой поздно вечером, со стоном удовольствия подъял остатки торта с чайком. Неля вернулась отдохнувшая, сообщила, что Витя вышел на службу начальником мехмастерской, что это отлично, пусть мама не беспокоится, потому что незанятый делом подводник – настоящая беда. Она объяснила дочери, что папа один скучает, а дочь должна побыть у бабушек, им

одинок, они немолодые, и кто-то должен им помогать.

Остановилась дальневосточница в этот раз на Горького, и там произошла очередная неприятность злополучного года. Она сняла в ванной комнате дареное на свадьбу фамильное кольцо с изумрудом и положила на раковину, после душа вышла и только через полчаса вспомнила о забытой драгоценности. Дверь была закрыта изнутри, лилась вода, и Неля постеснялась постучать и попросить передать колечко. Еще через полчаса ванная была пуста, кольца не было, и никто не откликнулся на просьбу вернуть. В этот же приезд она отдала в переделку старинную камею, тоже подаренную на свадьбу, хотела сделать брошь из кулона. Квитанция провалялась и исчезла, все запомнили, цепочка никому не была нужна и со временем растворилась в вечности. Фамильные драгоценности, передаваемые по наследству, приказали долго жить. По сравнению с проблемами дома это были мелочи. Как в старом еврейском анекдоте: спасибо, Гоподи, что взял деньгами! Главное было там, где встает над страной солнце, туда и поспешила путешественница. Улетела.

Маринка всплакнула для мамы на дорожку, но быстро успокоилась. С ней была верная Милка, дядя Рэм обещал купить билеты в цирк, а скоро уже и на елку, с подарками. Попросил показать, как ее собачка выполняет команды «встать и сесть», как она командует своими подчиненными: «смирна!» и дал ей прозвище «Командочка». Бабушка Сима с Инночкой тоже вернулись, обещали познакомить с троюродны-

ми дядьями, по возрасту годившимися в друзья. В общем все было хорошо.

Виктор и Неля. Совгавань

Новый начальник мехмастерских встелит жену на совгаванском аэродроме, она так подобрала билет, чтобы прилететь в воскресенье, и муж мог встеретить сам, не перепоручая встречу и не вынуждая в одиночестве добираться до дома. Она сразу приступила к допросу с пристрастием о событиях в период ее отсутствия. Он доложил, что верного коня продал, им как-то надо существовать на одну его урезанную зарплату, мамам на дочку посылать, и вообще зима на носу. Она поняла, что муж поддразнивает, хотела обидеться, но решила пока погодить.

– Нас ждут Поповы. Галка такой обед закатаила, закачаешься! И эклеры испекла, твои любимые.

– Как хорошо, что я захватила латышские сувениры и «Рижский бальзам», будет чем поклоняться, – обрадовалась Неля. Друзья оправдали все ожидания, у лучшей кулинарки подплава стол ломился, Вася сделал кучу комплиментов золотому балтийскому загару, дети рассматривали фотографии и спрашивали про экскурсии. В своей комнате Здановичи оказались спустя добрых три часа.

Отсутствие работы и вынужденное безделье угнетали, Неля плохо просыпалась по утрам, хандрила, старалась найти себе занятие. Хорошо, что Галя попросила позаниматься с Наткой английским, и осень стояла такая яркая, что не

смотря на хандру ее все равно тянуло прогуляться в Желдорбат или Заветы. Но после Риги магазины казались опустошенными. Мамаем, китайский рынок был недоступен ввиду полного отсутствия денежных средств, а репетиции в театре еще не начались. Заниматься физкультурой совершенно не хотелось, зато пару раз удалось поболеть за мехмастерские на первенстве бригады по футболу. Совместные тренировки и спортивные игры Виктор ввел в своей команде насильно, и матросы как будто проснулись от летаргического сна, почувствовали себя кому-то нужными и встряхнулись. Владимир Лашев развил бурную деятельность. По поручению командира съездил в командировку в учебный отряд, пообщался с народом и представил список тех, кого неплохо было бы получить на вакантные места в команде ремонтников. Виктор доложил флагмеху, тот комбригу, и вопрос был решен. Субботник по наведению порядка в помещениях мастерских тоже повлиял на отношение «команды ленивых» к службе. Это же субботник, как у независимых людей, а не просто приказ вылизать языком загаженные полы и столы! Работали все вместе, старлей тоже пачкал свои руки наравне со всеми, а потом выпросил у замполита бланки грамот и отправил семьям особо отличившихся благодарственные письма. К середине осени команда мастерских стала выглядеть совершенно по-другому. После инвентаризации они с Лашевым составили докладную по списанию и приобретению станков и оборудования, флагмех поддержал все иници-

ативы и можно было надеяться на положительный результат.

Виктора никто не трогал, на беседы больше не вызывали, он иногда с тоской посматривал на бухту, на опустевший пирс, но как только пришли первые заморозки, погрузился в работу по макушку. «Сезон охоты» заканчивался, и на лодках все чаще возникала необходимость привлечения ремонтной бригады, более того, осознав, что теперь есть к кому обратиться, механики лодок все чаще привлекали «команду «ух» Здановича в помощь.

Неля заметила, что их реже стали приглашать на посиделки в гости и это царапало, но не ранило. Баштаевы, Латоцкие, Сухаревы, Поповы оставались друзьями, а те, кто раньше звал к себе из каких-то иных побуждений, сразу отсеялись, и цена этим отношениям стала понятна. Кроме того, Виктор сильно выматывался в своей новой должности, которая требовала не только умения организовать ремонт, понять, как и что лучше сделать, какие материалы и детали применить, но и умения составлять материально-технические и финансовые отчеты. Опыта в составлении бумаг не было. Некоторые технические решения требовали рационализаторского подхода, голова шла кругом, и ему не всегда хватало сил доползти до кровати, а не только до дружеского стола. У Поповых образовалась еще и своя компашка докторов со всего гарнизона, у них были свои профессиональные разговоры и шутки, свои темы и анекдоты. И пусть жили они все по разным поселкам, но недавно запущенная ли-

ния «городского автобуса» способствовала лучшей связи и большим возможностям для общения. Два стареньких довоенных хрипящих ЗИСа перегнали из Хабаровска специально для этой стороны бухты. Они ходили по кругу в соответствии с расписанием, и это было огромной радостью для жителей.

В один из октябрьских дней, когда низкие тучи и унылый дождь снова стали вынимать душу, в дверь позвонили, и на пороге нарисовался знакомый старшина из МРО. «Неля Павловна, здравствуйте, Вы не могли бы прийти в отдел завтра или послезавтра? Вас новый начальник отдела капитан третьего ранга Киреев просил зайти». Она не знала, радоваться или начинать беспокоиться. Ее и так периодически подташнивало, то ли от нервов, то ли от погоды. Надо бы с Галкой посоветоваться. Витя вечером сказал, чтобы ничего не боялась и шла смело, ее работа прежде была отмечена несколькими благодарностями и ждать плохого вообще не нужно.

Знакомый отдел встретил радостно, пока шла к кабинету начальника, с ней поздоровались человек пять. Каптри Киреев по слухам назначен был аж из самой Москвы. Он обрадовался, что потенциальная сотрудница сразу откликнулась. Сказал, что структура отдела поменялась, появилась штатная единица преподавателя, и если она согласится занять ее, у подразделения будут хорошие перспективы. Ну и у самой Нели. Кокетничать она не стала, сказала, что с радостью выйдет на работу, тем более, что относительно свобод-

ный режим посещения ее устроит полностью. Договорились, что она выйдет с начала ноября, и распрощались. Домой ба-рышня летела как на крыльях, такая неожиданная удача, и Маринка у бабушек очень кстати. Жизнь похоже налажива-ется!

А налаживалась она потому, что небезызвестный товарищ Федор, изучив документы по делу американского шпиона Виктора Здановича, понял, что история не стоит выеденно-го яйца, во-первых, и нужно вымарать из личного дела исто-рию с американским гражданством, во-вторых. И даже не ради Виктора, а ради самого Федора, не заработавшего на этой незначительной операции никаких дивидендов, кроме домика в Сан-Франциско, который можно будет использо-вать для других дел. Учитывая, что его собственная пози-ция в органах только укрепилась, высокие посты после чист-ки стали занимать свои люди, он позволил себе лично на-орать на дальневосточных «копателей», в том числе и на на-чупра Мельникова, и настоятельно рекомендовать свести на нет причиненный ущерб. Подыскать для старшего лейтенан-та новое место службы, а через какое-то время способство-вать его переводу в Европу. Не суетиться, но учитывать мнени-е. Обе стороны друг друга поняли. А Федор отвел-таки душу.

Неля сидела с Галиной и Калерией за чашечкой кофе с выпечкой. Ее настроение взлетело вверх после предложения вернуться к работе. С утра поставила тесто, напекла булочек

с корицей по маминому рецепту, заварила в ковшике привезенный из Латвии кофе, открыла банку сгущенки и позвала подруг. Она ощущала чистую радость без тревоги, наверное, впервые с майских праздников. Неожиданно ей показалось, что она пролила на юбку кофе, стало тепло ногам, в голове зашумело и она стала заваливаться на край стола. Потом скажут, что это был мальчик... Вспомнилась казанская гадалка: «мальчик уйдет». И муж, «полувоенный» инженер, стоял на коленях перед кроватью, его пустили в палату вечером, она лежала одна. И его волосы под рукой «жесткие-жесткие, как у собаки», бледное лицо, пылающие угольки в усталых карих глазах: «Ничего, Кнопка, прорвемся». Дорого они платят по счетам, составленным не известно кем и не понятно где. Оставшуюся до ноября неделю она провела в кровати, «очухивалась». И готовилась к предстоящим занятиям со слушателями, на стажировку в отдел приехали курсанты, которых просто необходимо было как следует натаскать.

Тяжелый во всех отношениях год подходил к концу. Отмечая свой двадцать восьмой день рождения в узком кругу подруг, она старалась вспомнить и хорошее, что с ней происходило. «Ну, подруга, ты теперь большая, из комсомольского возраста выходишь, в партию пора», – сказала Галюша и подарила флакончик духов. Каля с Валеёй подарили китайскую чашечку тончайшего фарфора, расписанную вручную. Витя дал девочкам посидеть своим женским коллективом и пригласил ее в следующую субботу в город, в ресторан. Ска-

зал, что Яша тоже рвется ее поздравить, он будет с девушкой, если Неся не возражает. Она не возражала.

Новый год отмечали шумно, в докторской компании, а потом пошли пешком к себе, в подплав. Освещение за счет луны, ярких звезд и снега было отличным, по дороге подурачились, постреляли снежками друг в друга, но больше промахивались. Утром, попивая на кухне кто крепкий чай, кто рассольчик, обсуждали события прошедшего года и строили планы на будущий. Естественно те, о которых можно говорить вслух. Перечитывали открытки и письма. Мама Таня в новогоднем поздравлении отчитывалась о внучке. Мама Сима сетовала, что не может приехать и помочь дочке по хозяйству после ее потери, рассказывала, что Петра перевели в другую больницу, поближе и с лучшими условиями, и вероятно Катиня сможет навестить выздоравливающего. Иннуша сбоку приписала, что во всю готовится к выпускным и хочет тоже в иняз. Рэм советовал сестре, пусть подумает, он готов опять поехать в отпуск вместе, и предлагает, как вариант, Батуми. Забежавшая на огонек Валентина, услышав про отпуск, заявила, что хочет с ними за компанию. Всех как-то отпустило, решили «оправиться и покурить», что и сделали хором, открыв предварительно форточку. Ленивый первый день в году тянулся своим чередом, в обед Сережка предложил дяде Вите попинать мяч на снегу или доехать до катка на стадионе. Собрали небольшую компанию школьников и родителей, поймали автобус, с хохотом загрузились и пока-

тили в Заветы. Музыка лилась из большого серого колокольчика на столбе, крашенные лампочки создавали настроение праздника, Здановичи скользили по кругу вместе со всеми и чуть-чуть отдельно. «Друзья, люблюуу яаа Ленинские гооры»....

Чем запомнился пятьдесят четвертый? Наверное, именно спокойной своей рутинной, кроме, пожалуй, нескольких значительных событий. В марте провожали дорогого друга Яшку в Европу. Он отдал свои пять с половиной лет Дальнему Востоку, грамотно и честно отслужив на подводных лодках во имя матери-Родины, сыновий долг свой посчитал исчерпанным и организовал перевод ближе к матери родной. Отвальную устроили у него в комнате. Комната была знатная, метров пятнадцати, и вместила всех тех, кто хотел лично выпить последнюю прощальную рюмку со славным веселым человеком, неплохим парнем, а для нескольких счастливых – другом. Над тахтой разместился самодельный плакат с корявой надписью «Отвальная не праздник, но суровая необходимость» и пририсованными стаканом и рыбьим хребтом. Последних рюмок было несчастье, и последние, самые стойкие гости, там и заночевали. Хитрец Яшка продал часть ненужного барахла новым жильцам – и им удобно, и ему приятно, часть вещей отправил малой скоростью, и налегке с двумя чемоданами отбыл в аэропорт. Виктор хотел помочь и проводить, но друг отказался: «долгие провода... сам знаешь». Было подозрение, что улетает он не один, но

не докапывались. В подплаве убыло, а в военной приемке прибыло, капитан-лейтенант Аронович в новом звании капитана третьего ранга приступал после отпуска к выполнению обязанностей военпреда на одном из кораблестроительных заводов.

Маринка, как пони, бегающая по кругу, трусила (или тусила?) потихоньку с бабушками в Москве. Родители решили оставить ребенка до осени, а Неля на обратном пути из отпуска заберет ее и вернет на родину. Ее научили говорить «Зданович-Павлищева литтл герл, и поговорку «Ай лайк кофи, ай лайк ти, ай лайк бойз..», так что она ждала родителей, чтобы похвалиться знанием иностранного языка. Лева наслаждался свободой студента, больше пропадал на вечеринках, чем учился, но учился хорошо. Катиня съездила на зону к Пете, выборочно стали пускать. Вернулась в шоке и в слезах, но повидались. Инна зубрила четыре предмета к поступлению, на остальные практически наплевала, лишь бы получить аттестат, все равно медаль не грозит, а остальное не влияет на проходной балл.

Нелю приняли кандидатом в члены КПСС, это было почетно и необходимо по всем параметрам, и родители, и муж ею гордились. Ей было приятно, что новый начальник так ее ценит. Мужа так и не переводили из кандидатов в члены партии, он пел «еще не вечер», но внутри был уязвлен. Семья решила, что отпуск вместе они не потянут финансово, осень – самая горячая пора в ремонте лодок, а дочку все рав-

но нужно забирать домой. Мама Таня, наверное, устала, хоть и не признается, да и молодой отец соскучился. Давненько он никого не бодал в пузо со словами «шиндер-мындер-запупындер, запупындер-запупок!», и никто ему не хохотал в ответ. Но больше всех готовилась к поездке в Сухуми-Батуми Валюша Сухарева. Она тоже должна была отвезти дочь к родителям, а потом присоединиться к подруге и ее потрясному брату, москвичу, аполлону и интеллектуалу. Ну и пусть, что он зануда, ей же не замуж выходить, а время провести, без оглядки на посторонних, без ревности мужа, в городе, где ее никто не знает, полном соблазнов и удовольствий. Но не все планы сбываются, Валюша провела в Москве прекрасную неделю, пофлиртowała с Рэмом, посетовала, что поездка на юг не складывается и укатила. Инночка, поступившая в институт, предложила «быть третьей» в компании вместо Вали, но быстро «получила отлуп» от мамы, брата и отца и приступила к учебе.

Осень накатила, раскрасила ржавыми потеками берега. Мехмастерская работала в две смены, приводя в порядок боевые корабли, готовя их к осенним штормам, а в большей степени к дотошному взгляду ожидаемых высоких московских гостей. Экипажи лодок снова и снова красили и красили все, что можно и нельзя. Забегая вперед скажу, что Виктора опять наградили часами и на стальной табличке написали «За успехи в судоремонте». По бригаде пошел слух, что в октябре здесь будут встречать самое высокое руководство

страны. Это было важным событием, так как после поездки Сталина на Дальний Восток в 1928 году никто «из центра» сюда не добирался по своей воле. Флот стал готовиться от Порт-Артура до Петропавловска. Власти Совгавани лелеяли надежду обратиться с просьбой о финансовой поддержке судоремонтной отрасли, градообразующий завод был под угрозой закрытия. Первый секретарь ЦК КПСС Хрущев «дал шороху» всем партийным руководителям краев региона. Уставший после двух трудных поездок в Штаты и Китай, он стучал кулаками по трибунам пленумов крайкомов, распекал за плохое освоение территорий, убогий вид поселков и городов, плохое снабжение продуктами, товарами народного потребления и даже хлебом и молоком. Прихватив с собой Булганина и Микояна, он проехал через все крупные города, а Микояна послал даже на Камчатку. Не забыл и Советскую Гавань, провел в ней три дня, выслушал жалобы и обещал помочь, особенно с налаживанием промышленности. В советских газетах поездка не освещалась, только после отчета Хрущева на Пленуме ЦК КПСС стали публиковать статьи о Приморье.

Бархатный сезон в Абхазии – это что-то! Теплющее море, фрукты, вино и грузинская кухня – экзотика по-советски. Поездка на Рицу по петляющей дороге в открытом автобусе, морские прогулки – Рэм был в своем репертуаре и через два дня на третий обязательно куда-нибудь ее возил. Неля предвкушала, как холодными зимними вечерами станет скушать

по ярким краскам и жаркому солнцу Грузии. В Москве она купила билеты на самолет. Продали только до Хабаровска, на местную линию почему-то предложили купить там. Делители отлично, только Маринка, отъезжая у бабушек и значительно подросшая, уже с трудом умещалась на коленях и по-честному отдавливала ноги. Хорошо, что последних два перелета они летели с пустым соседним креслом, которое можно было занять, стюардессы не вредничали и не возражали. А в Хабаровске произошла неприятность. Пока Неля разговаривала с кассиршей о билете до Совгавани, Маринка снизу басом произнесла «маама...». Кассирша заявила, что ребенок с таким голосом явно старше пяти лет, и пассажирка обязана купить на нее детский, стоимостью полбилета взрослого. Неля возмутилась, но свидетельства о рождении у нее с собой не было, спор о том, что девочке нет четырех, окончился в пользу кассира. Выгребая даже мелочь, Неля с трудом набрала нужную сумму и долгие годы шутя упрекала дочь за не вовремя поданный голос. Но зато девочка на законном основании занимала свое место. Виктор встречал своих ненаглядных на катере, в новом кожаном пальто, оказывается и такие входили в перечень обмундирования офицеров, если познакомиться со службой тыла получше. Штурмило, «городские» катера между поселками не ходили, а военно-морской из подплава такой волны не боялся. На пирсе группа жителей, обрадовавшись неожиданной оказии, попросила подвезти, что старлей с удовольствием и сделал. Рев-

нивая дочь стояла с ним на палубе, не уходя в подобие каюты, в укрытие, чтобы все видели, это ее папа. А дома они резвились, хохотали, делали друг другу «шиндер-мындер», «тумбу» и «хохол», а Неля ворчала: «Ну вот, а ко мне снова с трудом привыкает».

Дворовые друзья приняли повзрослевшую девочку в свою компанию, братья Киселевы давали откусить от их бутербродов с маргарином и сахарным песком на черном хлебе. Неля никогда не позволяла выходить во двор с едой, это было неприлично. А Киселевым прилично, и все вокруг стояли и роняли слюни. Они показали Маринке кучу тайных укрытий в оврагах вокруг дома и даже могилу погибших матросов с фрегата «Паллада». Памятник спрятался в зарослях кустов прямо в нескольких метрах от сараев за домом. Однажды компашка пристроилась на заднем дворе посмотреть, как тетя Лида Прохорова будет отрубать голову курице. Она пристроила птицу на козлах для пилки дров, держала дрожащей рукой топорик и никак не могла решиться. Ей повезло, мимо вели группу матросов с «губы». Они брели без ремней, лениво посматривая по сторонам. Тетя Лида попросила мичмана, ведущего арестантов, помочь. Тот кивнул одному из парней в замызганных робах, и арестант точным ударом отсек башку. Безголовая птица вырвалась у Лиды из рук и, хлопая крыльями, еще какое-то время протанцевала на земле. Маринка вдруг громко рассмеялась и не могла унять свой смех несколько минут: вроде рубили черно-рыжую курицу,

а плясала на земле без головы ряба. Старший Киселев метнулся к Неле и сказал, что со Швеечкой истерика. Мама прибежала, когда Галя Попова уже обнимала малышку, она все увидела из окна.

Через пару месяцев уже Неля выставляла дочку из дома с серым дерматиновым чемоданом со словами: «Езжай в Москву к своей бабушке!». Это опять был спектакль для всего двора. Дело было в том, что Маринкины косички перезаплела соседка, девочке понравилось, а маме нет – то ли прическа, то ли соседка. Опять вся дворня собралась посмотреть: сцена прощания – Маринка с чемоданом, напротив Неля с указующим перстом в сторону леса. Посмотреть было на что. Маринка стояла и думала, как ей с вещами, без денег, и не зная точного адреса бабушек, добираться. И решила лучше завывать и просить прощения. С тех пор, к сожалению, она усвоила: прав-не прав, моли о прощении или будет хуже. Поступок рождает судьбу..... В детский сад, куда записали дочку, можно было ездить на автобусе, сад размещался в деревянном доме в Заветах. В памяти у девочки остался острый запах мелкой грязной сырой картошки, разбросанной в беседке для прогулок, ее можно было брать в руки и скоблить стеклышком. Рыбий жир из общей алюминиевой ложки, которую запихивали в рот каждому, обходя по кругу сидящих за манной кашей детей, и ужас Коли, сплюнувшего дрянь в кашу, которую все равно надо съесть. Зато дети росли здоровыми на удивление столичным докторам.

В январе Виктора наконец приняли в почетные ряды членов КПСС, он проходил кандидатом в два раза дольше, чем было принято. Один груз с души свалился. А осенью его назначили механиком отдельного дивизиона ремонтирующихся кораблей, который находился «на новой стороне», в городе. Там же предоставили большую комнату с одним соседом в каменном доме с удобствами. Только представьте, какое счастье ждало семью: унитаз дома, ванная с дровяным отоплением тоже в квартире, не надо ходить с тазиком в общую баню! Уезжать было не так уж и жалко. Конечно, таких соседей, как были, поискать. Но Поповы уже год, как переехали в Желдорбат, Сашка Сухарев получил каптри и подал заявление на замещение вакантной должности преподавателя в военно-морском училище под Ленинградом, и Валя, скрепив пальцы, мысленно складывала вещи и старалась вести себя сдержанней.

К сожалению большинства ее коллег Неля перевелась из своего отдела в подразделение в городе. Ей нашли место старшего переводчика. Дочку устроили в новый детский сад. К елке готовили новогодние костюмы, танцы и песни. Добрые воспитательницы увидели, что девочка обожает выступать, и выбрали Марину в тройку лошадок для русского танца. «Запрягу я тройку бойку, тройку серых лошадей, сяду и поеду...», толстый Петя был кучером, на груди у лошадок – серебряные звезды из фольги на балетной пачке из марли. Это было просто здорово! Жаль, что лошадкой она была не

коренной, а пристяжной, и папа не смог прийти посмотреть. С папой были замечательные отношения, можно было пожаловаться и он поддерживал, и не продавал маме, а если его мама обижала, можно было его тоже поддержать и подбодрить. Один только раз Маринка на него по-настоящему обиделась. Они вместе чистили картошку, пока девочка пыхтела над своей, папа быстренько начистил остальную и бросил в кастрюльку. Дочка поторопилась закончить и гордо плюхнула свою к остальным. Позже папа прибежал в комнату с картофелиной на вилке и, смеясь, показал маме: белоснежный клубень был как будто оплетен красной сеткой – очень красиво, но очень обидно, насмешки ранили больше, чем ругань.

Неожиданно в командировку из Ленинграда прилетел дядя Яша. Как-то вечером мама мыла Маринку и сказала: «Завтра в гостях дядя Яша, а мне надо будет уйти, ты побудь с папой, помоги ему, ладно?». Маринка кивнула и сказала, что не помнит дядю совсем, а мама ответила: «Вспомнишь. У него лицо, как твоя попка». Припечатала. Втроем они сидели за накрытым столом, разговаривали и гость спросил, не хочет ли ребенок коньячку. Ребенок согласился. Налили на доньшко в маленькую серебряную стопочку. Ребенок выпил. «Ну что, понравилось? Еще?», получив два утвердительных ответа, господа офицеры поняли, что растет достойная смена. Потом они уложили девочку спать и шопотом, срываясь на тихий крик, стали обсуждать то, что в февра-

ле взбудоражило страну и мир, доклад Хрущева на XX съезде КПСС «О культе личности и его последствиях». Закрытые партийные собрания прошли во всех организациях, каждый получил под дых от сказанного в полный голос, вернее все ошалели, никто даже не мечтал, что партия своими руками и напоказ вскроет консервную банку с кошмарами. Это был первый большой кризис системы. А бывший соотечественник по российской империи Бен-Гурион, прочитав доклад предречет: «Если это не фальшивка, через двадцать лет СССР не станет», правда, ошибся в сроке. В тысячах семей затеплилась надежда на встречу с родным человеком, если он не расстрелян и еще не погиб в лагере.

Самый лучший в городе детский сад значительно облегчил воспитание девчонки, там занимались танцами, пением, рисованием, а не только выгуливали и кормили. Но всему когда-то приходит конец. Ближе к концу пятьдесят шестого Виктор возьмет в охапку обеих своих любимых и впервые за четыре года отправится в Москву. Они бросят дочку на мам, проведут две недели в доме отдыха и съездят в Ленинград на недельку. Понемногу знакомые дальневосточники начали возвращаться в европейскую часть, кое-кто на Северный флот, кто-то на Балтику, а некоторые на Черное море. В северной столице почти каждый вечер был отмечен встречами со старыми друзьями и знакомыми. Побывали и у Курехиных, расстроились, что Юрка как-то поскучнел, потерял блеск в глазах и получал удовольствие только от своей жи-

вописи и споров с женой Ириной, службу в НИИ нес подневольно и уныло. Он даже вроде и не особенно обрадовался старому задушевному корешу. Если Виктор бурлил энергией, то Юркины глаза стали похожи на бледную неторопливую Мойку.

Днем ходили по музеям, гуляли, но зимний простуженный слякотный Питер не располагал к долгим прогулкам и поездкам за город. Переходили в основном от пункта А в пункт Б. Иногда каплей красивым жестом руки с перчаткой останавливал такси: шикарно, когда одна рука в перчатке держит другую, вторая ладонь голая. Неля в эту поездку наслаждалась семейным теплом и доверием, не осуждала своего благоверного за некоторое внимание к рюмочным или пирожковым, потому что следующим заходом автоматически становился «Север» или «Метрополь», в крайнем случае Гостиный двор. Пока бродили и болтали, решили оставить дочь в Москве еще на полгода. Все-таки у бабушек лучше, чем в детском саду, да они и не возражают.

Маринка. Москва

«Начинааем, начинааем, начинаем передачу для ребят. Те, кто хоочет нас увиидеть, пусть скорее к телевизору спешат» – раздалось в гостиной, и Маринка пулей рванула туда. На большую премию бабушка Таня купила телевизор КВН-49, Левины уговоры подействовали, и это чудо техники поселилось рядом с его тахтой. Вечером, задернув шторы, можно было увидеть, как Шаболовская телебашня шлет свои сигналы счастливым обладателям замечательного ящика, в котором через небольшое окошко показывали обзор новостей, детские передачи, спектакли и фильмы. Маринка даже дышать переставала, когда лысый Гурвинек начинал задавать каверзные вопросы телезрителям, а вдруг он спросит ее, а она не сможет ответить? Бабушка покупала ей журнал «Мурзилка», там были картинки про «Клуб веселых человечков», а тут живой человечек был на экране. И радостно, и страшновато. Зато потом обязательно показывали мультфильм. Татьянушка тоже приходила смотреть детские передачи. Позднее, когда являлся Левка, она уже без надобности в большую комнату не совалась, а с Маринкой на мультфильм – было в полном ее праве. Перед сном они важно обсуждали содержание, Татьяна расчесывала свои длинные волосы, а девочка замороженно смотрела, как плавно движется рука с серебряным перстеньком, Демьяновна научила ее

играть в пьяницу и дурака, что они и делали, когда бабушка отсутствовала. Внучка хранила страшную тайну, как однажды заглянула в ванну и увидела острый голубоватый горб старой няни, испугалась и захлопнула дверь. Никому не сказала, знала, что отругают. Во дворе у нее образовался друг, Борька из четвертого подъезда. Она, наученная няней, кричала ему весело: «Боря, Боря – выдь из моря», а он в ответ обидно: «Марина, выдь из мыла». Как это люди не понимают друг друга! Потом они нагуливались до мокрой одежды под присмотром Демьяновны в черном, еще дедушкином, теплом пальто или Бориной бабушки в синем «полупердончике» с чернобуркой и расходились до завтрашнего дня. Телевизора у Бори не было и Маринка хотела позвать его к себе, но стеснялась. Особенно понравился ей телеспектакль «Звездный мальчик», она еще долго переживала трудности, с которыми пришлось столкнуться главному герою, прежде чем снова стать красивым и счастливым. Родители вернулись из отпуска, побыли несколько дней в Москве, ходили по гостям, иногда брали дочь с собой. Втроем посмотрели на дневном сеансе новый фильм «Возраст любви» с прекрасной Лолитой Торрес, и Маринка вместе со всей страной пританцовывала, виляя бедрами, и зажигательно пела: «Коимбро, мой город чудесный», иногда ей подпевал и подтанцовывал папа. Улетели. В этот раз плакать не пришлось. Кто же знал, что в Совгавань она больше не вернется! А может и наоборот обрадовалась бы, если бы дано было предугадать судьбу.

По эту сторону Урала было тоже отлично, иногда можно было поплакать и никто не говорил: «А как Зоя Космодемьянская ходила босиком по снегу?», а наоборот жалели и давали вкусное.

Виктор. Новая сторона

На родном востоке все шло своим чередом, Виктор, как обычно, «впахивал», но в отличие от бригады, здесь воскресенье было воплощением святого права рабочего человека на отдых, если только не аврал и не «воскресник». А если бы гражданские в ремонтных цехах не так много пили, то и с личным составом было бы работать полегче. Несколько раз ездили к Поповым и принимали их у себя в новой квартире. В ней же шумно отметили Витино тридцатилетие. Но душа хозяйки к этому обиталищу не лежала, не хватало пороха или желания привести его в уютный вид, обустроить по-особенному, как она умела. Все было холодное, чужое, и сил у Нели хватало лишь на очередную перестановку мебели. Всю дальнейшую жизнь, увидев хищный блеск в глазах своей единственной, Витя хватался за сердце и за поясницу – блеск означал, что пришла следующая попытка пустить мебель по кругу. Работа у жены была в основном переводческой, с бумагами, не с людьми – скучной; но работа была. Редкие жены офицеров могли этим похвастать, часть не хотела, а часть просто не могла устроиться.

В конце года Виктору присвоили звание капитана-лейтенанта, в этот раз звездочку обмывать было почти не с кем. Проставился на работе, Неля испекла пирог с капустой на закуску, открыли банку огурцов, притащили соленой рыбы

и много свежего черного хлеба. Еще для отдельных граждан несколько бутылочек пива. Пиво было отменным, имело даже медали ВДНХ благодаря местной чистой родниковой воде. Пивзавод работал на весь Дальний Восток, и бутылка пива отсюда была не менее ценным сувениром по ту сторону Урала, чем здесь Рижский бальзам. И тоже на любителя. В армии и на флоте шло активное сокращение штатного состава, которое достигнет кульминации в шестидесятом году. В юмористическом журнале «Крокодил», обожаемом советскими гражданами, на эту тему даже публиковали картинки: лихая рота солдат с чемоданами, радостно улыбаясь, идет от танков в сторону тракторов и колхоза и отдает честь читателю. Первой под такое сокращение попала Неля, в феврале ей выплатили двухмесячную зарплату и отправили домой. А она и не возражала, «чемоданное настроение» не покидало ее с момента заселения в квартиру.

Неля. Фестиваль

В Москве в это время началась активная подготовка к VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов. Составлялись планы многотысячных массовых мероприятий, парадов, концертов, состязаний, определялись объекты, разрешенные для посещения чужестранной публикой. По всей стране отбирались самодеятельные коллективы для выступлений. Подозрительные и неблагонадежные граждане столицы выселялись насильно за 101-й километр от Москвы. Не так далеко, но тоже подальше, москвичи должны были отправить своих детей дошкольного и школьного возраста: в деревни к бабушкам, в пионерские лагеря. Мало ли какую заразу завезут! И вообще детям здесь делать нечего. Маринку решено было с середины июня отправить в выездной «дедушкин» детский сад, дед-то директор все-таки. Совхоз и так за городом, а садик на лето выезжает еще дальше, в дальние дачи у речки среди полей и березовых рощ.

Левка со своим безупречным английским и хорошей комсомольской характеристикой затесался в гиды-переводчики, и теперь практически не ходил на лекции, а вместо них посещал специальные занятия, где из студентов делали правильных представителей страны победившего социализма, проводили политические занятия, воспитывали чувство гордости и ответственности. Он стойко терпел все то, что от ду-

ши не любил. Надежда на невозможные возможности перекрывала все. В клубе гидов-переводчиков он познакомился с иностранной студенткой, полькой Марысей. Хорошенькая самоуверенная панночка сразу же разбила сердце столичного пижона. Он потерял голову, провожал до общежития, добивался свиданий и на третий день знакомства понял, что готов для нее на все. Пепельные волосы, стильная стрижка, стройная фигурка, большие глаза и вздернутый носик – Марыся покорила всех, когда Левка привел ее в гости попить чайку. Маринка стушевалась от такой красоты и убежала на кухню к Татьянушке, а Татьяна «первая» впервые за долгие годы наслаждалась разговором на родном языке, она просто не могла остановиться. Лева косился на мать, желая принять участие в беседе, но язык он понимал плохо, только интуитивно. С Марысей он общался по-русски. Проводив девушку, молодой человек вернулся возбужденным и радостным, присел к маме на кровать и настоятельно попросил заняться с ним польским. Татьяна не возражала вовсе, она и сама уже не раз предлагала. Теперь появился стимул, Лева был влюблен не на шутку. Но уже после фестиваля их пути, как и предполагала мама, разошлись. Зато язык он выучил блестяще.

Неля прилетела в столицу в апреле, она уже знала, что на восток не вернется. В связи с реорганизацией системы ремонта кораблей Виктору предложили два возможных пути дальнейшего его продвижения по карьерной лестнице: судо-

ремонтный завод на Камчатке с перспективой быстрого роста в звании или перевод на Балтику в дивизион резерва подводных лодок. Кто бы сомневался, что выберет наш каплей! О вариантах и сделанном субъектом выборе генералу Бездрожных доложили по телефону. Он поблагодарил, перезвонил Татьяне Абрамовне, поздравил ее с тем, что сын скоро будет служить практически рядом. И закрыл для себя этот вопрос навсегда. Тем более, что тоже собирался перейти на новое высокое место, к которому стремился всю свою долгую и непростую карьеру.

Каплей Зданович должен был прибыть к новому месту службы в декабре. Рассиживаться было некогда. Виктор завершал принятые на себя обязательства, приводил в порядок документы, а Неля понемногу упаковывала вещи в легендарный сундук, который муж потом сможет с легкостью отправить багажом, собирала свой летне-осенний гардероб в те два американских чемодана, с которыми и приехала семь лет назад, грустила и радовалась, и загадывала, что их ждет там, за горизонтом, «на той стороне»....

В Москве переводчик и член КПСС с дальневосточным стажем была любезно принята в Комитете фестиваля. «К сожалению, в Москве все ставки уже распределены, мест нет, но, если хотите, можем отправить Вас с делегацией в Киев, там, как и в Минске, тоже запланированы фестивальные мероприятия». Она, конечно, согласилась. В любом случае поучаствовать в крупном международном событии было уни-

кальной возможностью. Серафима, а девочки теперь жили у нее, была недовольна, что дочь на месяц их бросит и снова уедет, но возражать не стала. Марину все равно отдавали деду, навещать ее нет необходимости, дед приглядит, а воспитательницы уж постараются проследить за внучкой директора! Ребенок понуро согласился отпустить маму и уехать в незнакомое место. За это она получила «фестивальный костюм» – комплект из сатиновой юбки и песочника с фестивальными символами и с настоящей сумочкой-мешочком, в которую положили бумажный веер с флагами стран-участниц! И маме тоже купили похожую новую юбку с прозрачными блузками. Обновки приобрели в большом универмаге, где на удивление народу было мало, а товаров много – тоже фестиваль! Такую нарядную девочку Инночка с удовольствием пару раз брала погулять и однажды вынужденно взяла в кино. Ее пригласил очередной поклонник, отказываться не хотелось. Тем более шел иностранный фильм «Кнопка и Антон» по прекрасной для семейного чтения книге. Маринка в конце не могла сдержать трогательных слез, и долго вспоминала и фильм, и любимую тетку, которая, кстати, как и другие студенты иняза, бесплатно и добровольно работала на фестивале. Интересующиеся могут посмотреть хронику тех незабываемых для страны дней: это был какой-то мощный вздох, как будто страна вынырнула из-под воды и хлебнула чистого воздуха, а потом снова погрузилась в пучину, в свое собственное подводное плавание. А-а-а-х!

В группу выездного детсада ее отвез дед, воспитательницы забегали, даже директриса вышла посмотреть на внучку от первой жены. Она приятельствовала с Павлиной и хотела рассказать подруге сама. Паша, кстати, не возражала. Их дочери еще замуж не вышли, внуков не было, а Маринку они даже два раза брали в гости к себе домой и научили ее говорить, что у нее есть две зимние бабушки и две летние. Маринке понравилось и в гостях, и выражение, а Серафиму чуть удар не хватил, когда услышала.

В этом детском саду не было занятий танцами и пением, но песню «У дороги чибис» они распевали на прогулке хором. Дети много гуляли по окрестным лугам и рощам, работали в огороде, поливали из лейки огромные кабачки и огурцы и слушали книжки, которые читала няня. Рыбьего жира не давали. Зато на дневной сон гнали так сурово, как будто боялись, что дети разбегутся. Однажды Маринка заболела, ее перевели в изолятор, там было грустно и одиноко. Деду доложили, и он примчался навестить, посидел минут двадцать и уехал по очень важным делам. После дневного сна она писала папе письма, старательно красивыми цветными карандашами выводила крупные печатные буквы, рисовала корабли и цветы, и не знала, где взять конверт, чтобы отправить в Совгавань. Спасибо деду, заехал, взял и обещал передать бабушке, а та уж расстарается. Правда, потом ей самой пришлось вкладывать странички в конверт, когда мама уже приехала из Киева и забрала ребенка на улицу Горького за

неделю до окончания смены. Наверное, дедушка не знал адреса Совгавани. Осень тянулась долго, без особенных событий, только мама запиралась с Рэмом и они долго разговаривали. Она его в чем-то убеждала, расспрашивала, а он все никак не мог на что-то решиться. Потом им с бабушкой Симой и Иннушей торжественно объявили, что Рэм женится, и у Маринки будет братик. Или сестричка. Вот это новость! Обещали, что папа тоже успеет приехать на свадьбу.

Пока братика никакого не было, зато приехал сундук и еще какие-то коробки, они заняли много места, спасибо, что у бабушки большие комнаты. Со дня на день ждали папу. Он прилетел, закружил Маринку по комнате, спросил, что ей лучше сделать: «шиндер-мындер» или «тумбу-юмбу». «Ну, папа! – сказала дочь – я уже большая!». Папа рассказал, что большие теперь будут служить на Балтике. В Латвии, в городке Болдерай под Ригой. Когда они устроятся, всех москвичей будут звать в гости, и бабушек, и Демьяновну, и Инночку с другом, и Леву с подругой, и Рэма, конечно. Но сейчас у них отпуск, и они будут вместе ходить по театрам, циркам, кафе-мороженым и куда там можно еще пойти с папиными большими подъемными. Маринка радовалась, бабушки, конечно, замечательные, но хотелось, чтобы у папы с мамой тоже было на нее время. Она вспомнила новую книгу, которую ей подарил дядя Рэм, «Сережа» Веры Пановой, заскакала по комнате и во все горло закричала: «Ураа! Мы едем в Холмогоры!». Начиналась новая глава в книге судеб

семьи.